

(00:03:48) (Начало записи)

Константин Бабкин: Уважаемые коллеги, добрый день. Будем начинать работу нашего Совета по промышленному развитию и конкурентоспособности Российской Федерации. Вы знаете, наш совет в течение года проводит заседание по различным темам. Мы в этом году обсуждали и взаимодействие металлургии, и машиностроения, обсуждали региональные проблемы, были во Владимирской области, в Рязанской области. На ежегодном заседании, которое проводится в Москве, в этом зале, в начале апреля уже второй раз мы обсуждаем в целом конкурентоспособность российской экономики, и как эта конкурентоспособность, как условия действия работы промышленных предприятий изменились за предыдущий год. В начале апреля мы проводим это заседание, потому что как раз к этому сроку Росстат публикует финальные данные по итогам прошедшего года, и мы, опираясь на открытые источники, на данные Росстата, делаем свои заключения и обсуждаем состояние нашей экономики, и выносим предложения. Сегодня мы подготовили доклад по итогам 2018 года. Я предоставляю слово вице-президенту торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Курочкину Дмитрию Николаевичу.

Дмитрий Курочкин: Большое спасибо, Константин Анатольевич. Доброе утро, уважаемые друзья и коллеги. Мы рады приветствовать вас в стенах этого исторического здания на Ильинке, 6 Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Представление доклада конкурентоспособности российской экономики Советом по промышленному развитию становится уже хорошей традицией. Мы очень рады, что многие наши комитеты и советы активно подключаются к этой работе. У нас комитет по развитию потребительского рынка публикует уже 12-й год, и вчера было представление аналогичного исследования по развитию российского потребительского рынка. Мы считаем, что это огромное преимущество нашего экспертного потенциала, сосредоточенного в комитетах и советах.

Константин Анатольевич сказал, что многие положения мы уже предварительно обсудили и во Владимире, и в Рязани. В Рязани, я считаю, особенно успешно и содержательно прошло наше обсуждение. Сегодня я хотел бы воспользоваться такой возможностью, чтобы представить и позицию торгово-промышленной палаты касательно реформы налогообложения, в частности применительно к финансированию промышленных проектов. Законодательство, безусловно, чрезвычайно актуально для бизнеса. Это традиция. В настоящее время законодательство, которое затрагивает и промышленный сектор. Например, подготовлен проект федерального закона о внесении изменений в части первой отдельных положений послания президента в феврале 2019 года, и основных направлений налоговой политике на 2019 год. Сейчас палата подготовила свои замечания, уже направила в Минфин.

Законопроектом, в частности, предусматривается дальнейшая реализация плана BEPS по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и вывода прибыли из-под налогообложения. В частности предлагается дополнить статью 1 Налогового кодекса общим понятием «инвестиционный проект», которое будет применяться ко всем специальным инвестиционным режимам. В наших замечаниях предложено для исключения споров привести понятие в соответствии с действующими понятиями в разных частях кодекса, а также закрепить в нем положение, что инвестиционный контракт

может быть направлен не только на увеличение объемов производства, но и на сохранение текущих объемов на прежнем уровне.

Еще одним новым трендом станет включение неналоговых платежей. На общественное обсуждение в рамках оценки регулирующего воздействия был представлен пакет законопроектов, предусматривающий включение и корректировку положений Уголовного Кодекса в целях установления моратория на применение уголовной ответственности по указанным платежам. Мы этот проект рассмотрели и также направили свои замечания.

(00:08:42) Хотел бы подчеркнуть, что президент торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Сергей Николаевич Катырин на рабочей группе по налоговым платежам, которая проходила 4 апреля под председательством первого вице-преьера правительства и министра финансов, Антона Германовича Силуанова, высказал наши концептуальные пожелания, замечания и предложения. В целом, могу сказать, что традиционно по налоговым сборам у бизнеса имеется масса замечаний. Относительно экологических платежей наши замечания, которые направлялись еще в декабре, *(Дефект записи.)* сохраняются риски двойной уплаты платежа по Налоговому кодексу и по закону об охране окружающей среды.

В отношении налога на операторов связи не определены все элементы налога, а делаются отсылки к отраслевым актам. Весь налог на трех листах проекта. При таких обстоятельствах возникают проблемы в правоприменении, кроме того, цель введения этого налога не вполне ясна, экономическое обоснование отсутствует. На наш взгляд, необходимость в нем отпала. Мы также предложили ввести мораторий на налоговую ответственность на пять лет (мы переходим к тематике гостиничного сбора), а на последующие пять лет ввести пониженный штраф 10%, а не 20% от суммы недоимок. В целом, палата полагает, что реформирование всей системы неналоговых платежей должно проходить... Цель реформы – ограничить возможность произвольного введения новых и увеличения действующих.

В заключение, непосредственное отношение к тематике сегодняшнего заседания Совета. Дело в том, что постановление правления ТПП от 21 марта, был создан совет ТПП России по финансово-промышленной и инвестиционной промышленности под председательством Владимира Андреевича Гамзы, который сегодня у нас будет выступать, он хорошо известен нашим участникам по работе в Совете по промышленному развитию. Данный совет создан для эффективного содействия динамичному развитию промышленности, формирования современного развитого финансового рынка. Мы очень надеемся, что он будет теснейшим образом взаимодействовать, по крайней мере, мы так изначально задумали, с Советом по промышленному развитию.

Пользуясь случаем, хотел бы пожелать успешного обсуждения сегодняшней проблематики и решения тех вопросов и проблем, которые будут представлены на сегодняшнем заседании. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Дмитрий Николаевич.

Константин Бабкин: В нашем докладе мы концентрируемся именно на анализах тех условий, в которых работает в России некое промышленное предприятие. Мы абстрагируемся от оценки финансовой устойчивости экономики России, от борьбы с инфляцией, от накопления Стабфонда. Просто мы анализируем такую, с одной стороны, узкую проблему, узкую ситуацию функционирования промышленного предприятия. С другой стороны, это, конечно же, проблема не узкая, ключевая проблема – нам и

президент ставит задачу развивать промышленность и добиться того, чтобы страна сошла с сырьевой иглы, были созданы миллионы рабочих мест. Общество тоже этого хочет.

Мы анализируем ситуацию по нескольким темам. Давайте начнем с налоговой политики. Дмитрий Николаевич уже эту тему затронул. Наш доклад начинается с нее. У нас в стране уже несколько лет действует мораторий на повышение налогов. Надо отметить, что в целом правительство соблюдает вот это обязательство, и как таковые ставки налоговые не повышаются. Однако, это не значит, что не возрастает налоговая нагрузка. Например, взносы в пенсионный фонд и фонд обязательного медицинского страхования для индивидуальных предпринимателей раньше исчислялись из расчета МРОТ, теперь назначена фиксированная ежегодная сумма, и эта сумма повысилась примерно на 5%.

(00:13:58) В прошлом году акцизы на топливо повысились. На бензин – на 11%, на дизельное топливо – на 13%. Юридически это не налоги, фактически нагрузка на экономику возросла. Единый налог на вмененный доход был увеличен, был повышен коэффициент этого налога. Еще было принято решение, что был повышен минимальный размер оплаты труда. Звучит как благое дело для малоимущих слоев населения, но на самом деле можно обсуждать и спорить, насколько это привело к реальному повышению благосостояния. К повышению налоговой нагрузки это привело, потому что у нас штрафы, пени, из количества минимальных размеров оплаты труда. Повышение МРОТ привело к значительному... *(Дефект записи.)* Земельный налог тоже формально не повышался, пересматривают с пятилетним циклом, многие регионы перешли на кадастровый учет стоимости недвижимости, что привело к повышению сбора земельного налога. В Рязани, например, нам приводили цифру, что в тысячу раз для некоторых предпринимателей этот налог был повышен.

Забегая чуть вперед, скажу, что если просуммировать сумму земельного налога, который был собран в Российской Федерации, это повышение собираемости земельного налога не привело к увеличению количества собираемых денег. То есть, государство собирает денег такое же количество, но при этом с некоторых предпринимателей денег собирают в тысячи раз больше. Это говорит о том, что такой пересмотр этого... *(Дефект записи.)* Отказываются от имущества, бросают какие-то цеха, забрасывают землю. Наверное, не очень позитивный результат. Фактическое повышение налогов, повышение акцизов привело к тому, что бензин у нас подорожал на 15%, дизельное топливо на 15%, электроэнергия подорожала на 7%, водоснабжение на 6,6%, вывоз мусора подорожал на 17,7%. Темпы роста этих услуг или товаров, темпы роста цен сильно опережают инфляцию. Первая причина этого – это фактическое повышение налогов.

Надо отметить, что налоговая служба повышает эффективность своей работы по двум направлениям. Переводит взаимодействие с предприятиями на электронный оборот, что в целом, наверное, должно быть позитивно. Сверху на диаграмме видно, что на четверть сократилось количество выездных проверок. Пока предприятия отмечают, что перевод на электронный оборот не привел к сокращению человеко-часов, которые предприятие тратит на написание этих документов, на написание бумажных документов, которые пока не отменились. Пока позитивного эффекта от перевода на электронный оборот экономика не увидела.

Количество выездных проверок – позитивный факт, но за одну выездную проверку теперь начисляется штрафов согласно отчетам ФОМС на 27,8% больше. 99% из проверок соблюдения валютного законодательства, заканчиваются начислением штрафов, пеней и так далее. Как это в отчетах называется, эффективность одной выездной проверки

выросла. *(Дефект записи.)* Если уж приехали, то пару десятков миллионов рублей с предприятия состригут. На 53% больше денег, чем в 2016 году. Это прекрасно, что налоги не повышаются, количество проверок сокращается, но мы видим, что налоговая нагрузка возрастает, причем заметно и сильно. Редко приезжают налоговые органы, но нагрузки они с собой приносят больше.

(00:18:52) Не буду останавливаться на введении отчетности. Я уже сказал, что на электронный оборот документ переводят – это хорошо, но пока позитивного эффекта нет. Надеемся, что он появится. Перевод в электронный вид должен сопровождаться уменьшением требований по оформлению бумажных документов, чего мы пока не видим, но надеемся увидеть в будущем.

Налоги, которые формально не повышались. Собираемость налога на прибыль увеличилась на четверть, НДС – на 16%, налог на имущество – *(Дефект записи.)* на 28% было собрано в прошлом году больше, чем годом ранее. В целом, темпы роста налогов за последние четыре года, на 31% бюджет собирает денег больше с предприятий, притом что ВВП практически не выросло. Это прекрасно, что налоги не повышаются, но на 30% из экономики изымается больше денег. Все это учитывается в тех условиях, в которых работает промышленное предприятие.

Пенсионная реформа. Мы проанализировали, считали несколько цифр, параметров. Мы абстрагируемся от справедливости или несправедливости, актуальности, неактуальности этой реформы. Мы анализируем... *(Дефект записи.)* Эти последствия неочевидны. Во-первых, неочевиден выигрыш для бюджета от этого введения, во-вторых, увеличение пенсионного возраста не привело. При этом предприятие отмечает, что эта реформа позволяет побольше задерживать квалифицированных специалистов на работе, еще несколько лет их использовать на трудовых местах, но эта же тема и затрудняет обложение кадров, замедляет динамику оборота персонала. Результат этой реформы для промышленных предприятий непонятен, очевидного плюса мы не увидели.

Вторая тема – денежно-кредитная политика. У нас два важных параметра денежно-кредитной политики, один состоит в том, что сокращается постепенно количество банков. Вторая тема, мы анализировали ключевую ставку, как она воздействует на промышленные предприятия. В отношении сокращения количества банков. Каждые две недели в среднем один-два банка в России, как мы знаем, лишаются лицензии. Это приводит к монополизации банковского сектора. Доля активов крупнейших банков в банковском секторе увеличивается значительно, очень быстро, как мы видим на левой диаграмме.

При этом прибыль банков все более сосредотачивается в крупнейших банках. Сбербанк, мы видим на средней диаграмме, получает примерно половину всей прибыли, которая достается банковским организациям, топ-5 банков дополнительно собирают 90% прибыли. Первая двадцатка работает как-то с прибылью, остальные 400 банков, как мы видим, скорее, находятся в зоне убытков, чем нуля. Это работает эффект монополизации банковского сектора.

К чему это приводит с точки зрения промышленных предприятий? Мы взяли пару параметров. Комиссия за перевод денежных средств в топ-5 банков составляет 2%, в топ-250, то есть в среднем по банковской системе 0,05%. В 40 раз больше комиссия в тех банках, которые топ-5. Спред по купле-продаже – то же самое. В банках, которые уже практически захватили монополию – 3%, топ-250 – 0,6%, в пять раз разница. Это все удорожает банковское обслуживание и не повышает конкурентоспособность

промышленных предприятий. Надо отметить, что в топ-5 банков больше бюрократии, менее быстро принимаются решения. (*Дефект записи.*) ...принимаются, и, конечно, такое сужение банковского сектора не позитивно влияет на конкурентоспособность промышленных предприятий.

(00:23:50) Ключевая ставка – тема, которую мы здесь много раз обсуждали. В начале прошлого года ключевая ставка была 7,75%, летом она была снижена – 7,25%, сейчас она опять 7,75%. Это прекрасно, что была какая-то надежда на постепенное снижение ставки, хотя 7,25% – это все равно параметры, которые находятся далеко за пределами тех ставок, которые действуют в успешных экономиках. Стоимость обслуживания кредитов – это тот фактор, который очень сильно подрывает возможности наших предприятий обновляться, сильно подрывает возможности наших предприятий продавать свою продукцию с отсрочкой платежа. Эта тема у нас существует пару-тройку десятилетий, и она не уходит, и главное, что не видно со стороны руководства ЦБ стремления эту проблему решить, проблему дороговизны заемных средств в России.

Мы видим, что средневзвешенные кредиты у нас значительно более дороги, чем в других странах. Это все приводит к увеличению просроченной задолженности по предприятиям обрабатывающей промышленности. Согласно статистике эта задолженность в прошлом году увеличилась на 20%. Предприниматели провели опрос в рамках ТПП, и увидели такой ответ предпринимателей: высокие налоги, как проблему для ведения бизнеса, отмечают 57% предпринимателей, высокую стоимость кредитов – 49% предпринимателей. То есть на втором месте поставили эту проблему. В два раза больший процент предпринимателей отмечают эту проблему, как помеху, чем, например, коррупцию, которая много обсуждается в обществе. К сожалению, у руководства Центробанка есть задача бороться с инфляцией, свои проблемы они решают, но не решают проблемы повышения конкурентоспособности нашей экономики.

Как позитивный момент действий правительства мы отмечаем, что в прошлом году была активизирована поддержка несырьевого экспорта. Мы видим, что несырьевой экспорт в прошлом году в результате этих робких мер поддержки вырос на 22,6%. Если посмотреть на структуру экспорта, то мы видим, что экспорт минеральных продуктов, то есть сырья рос более высокими темпами, и доля сырья в экспорте наших товаров была увеличена. Тем не менее, мы рады тому, что несырьевой экспорт из России растет, отмечаем, что действительно появились очень эффективные меры, связанные с поддержкой экспорта. Эти меры заключаются в субсидиях на доставку товаров до зарубежного потребителя, субсидии на участие в выставках, организацию бизнес-миссий, было проведено сокращение административных барьеров. В 2018 году поддержку, связанную с экспортом, получили около 9000 российских предприятий.

Как недостаток этих мер поддержки мы отмечаем, что пока это все-таки более доступно крупнейшим предприятиям и эти меры работают пока неидеально. Надеемся, что российский экспортный центр будет улучшать свою работу и эффект от мер поддержки экспорта будет работать более качественно.

Были введены некоторые меры поддержки непосредственно производства. В основном меры идут через Минпромторг и существуют в России прямые субсидии предприятиям обрабатывающей промышленности и предприятиям сельского хозяйства. Объем финансирования этих субсидий был увеличен на 8%. Количество реализованных мер поддержки выросло на 13%. Здесь тоже идут некоторые субсидии на НИОКР, субсидии потребителя на приобретение российской техники, субсидии на участие в выставках,

субсидии на модернизацию, на сокращение рабочих мест. То есть, Минпромторг разработал достаточно неплохой пакет мер поддержки, который приводит к положительным результатам, но сравнение весомости этого пакета с налоговой нагрузкой пока, конечно, в пользу налоговой нагрузки. Налоговая нагрузка у нас составляет 52% от оборота промышленности, все субсидии, которые государство выдает промышленным предприятиям, составляют менее 1% от оборота. При этом что налоговая нагрузка выросла на 30%, конечно, эффект от этих мер поддержки не выглядит очень весомым, тем не менее, он дает результат.

(00:29:15) Выравнивание условий на внутреннем рынке, утилизационный сбор. Вы знаете, что в России три года назад был введен утилизационный сбор, который большей тяжестью ложится на импортное оборудование, особенно на бывшее в употреблении иностранное оборудование. Те затраты, которые российские предприятия несут в связи с утилизационным сбором, им, так или иначе, возвращает государство в виде мер поддержки. Введение этого сбора привело на данный момент к положительным результатам. В прошлом году, например, производство полуприцепов увеличилось в России в два раза, из-за того что с помощью утилизационного сбора был оставлен или сильно сокращен импорт техники, бывшей в эксплуатации. Это привело к тому, что не только были получены десятки тысяч рабочих мест дополнительно, были увеличены налоговые поступления со стороны российской промышленности, но и повысилась безопасность на наших дорогах. Эта мера не противоречит условиям членства России в ВТО, тоже небольшой положительный эффект. Здесь мы отмечаем тоже позитивные шаги со стороны нашего правительства.

Не буду заострять, мы видим, что меры поддержки существуют в авиационной промышленности, в автомобильной промышленности, в железнодорожном машиностроении, в легкой промышленности, специализированном машиностроении, в металлургии. Десятки мер поддержки появляются, они не такие весомые, но в целом приводят к положительному эффекту. Надеемся, что эти меры будут продолжаться, хотя, надо отметить, что в этом году, вследствие инициатив вице-премьера Козака действие некоторых из этих мер было приостановлено, и неизвестно, как будут они реализовываться в этом году. Это уже я забегаю вперед, мы проанализируем в докладе, который представим через год.

Оплата труда выросла в прошлом году на 5% в обрабатывающей промышленности, в целом в России на 11% выросла средняя оплата труда. Это повысило в целом покупательную способность населения, но те меры, о которых мы говорили вначале – повышение налоговой нагрузки, удорожание товаров, продуктов, это работало в минус. В целом, у нас покупательная способность в России, несмотря на номинальный рост зарплат, была снижена. Мы видим, что пока в России зарплаты сильно отстают от уровня развитых стран, и уже значительно отстают от зарплат, которые существуют в Китае.

В итоге, мы провели расчет, где учли все параметры, которые действуют на промышленное предприятие, взяли некий завод, который производит, например, бульдозеры. Взяли параметры, близкие к реалиям. Численность персонала – 420 человек, производят бульдозеры, выручка 1,6 миллиардов рублей. Чистую прибыль он зарабатывает – 77 миллионов рублей. Посмотрели, как эти все меры, о которых мы сегодня сказали, воздействуют на это предприятие. Все подорожало – налоги, электричество, фонд оплаты труда возрос.

Все подорожало, но при этом предприятие получило мер поддержки на 107,3 миллионов рублей. У нас есть достаточно подробный расчет. Это привело к тому, что себестоимость единицы продукции бульдозера выросла в прошлом году на 34%, соответственно, подорожал и товар, на 28,5% подорожала себестоимость бульдозера. При этом, если взять китайского конкурента, то из-за снижения ключевой ставки в Китае, из-за снижения налогов в Китае, мы видим, что китайский бульдозер подешевел при этом на 3%. Поэтому, наш бульдозер проигрывает в конкурентоспособности китайскому, но за счет утилизационного сбора, за счет некоторых мер поддержки и продвижения на внутреннем рынке, наше предприятие пока на внутреннем рынке сопротивляется или конкурирует со своим китайским коллегой, но динамика не в пользу нашего производителя. У нас себестоимость растет опережающими темпами, в других странах себестоимость товаров снижается.

(00:34:34) Меры поддержки есть, они нивелируют эту разницу в динамике, но неизвестно, насколько это будет долго и эффективно, так можно будет сопротивляться. Как итог, мы видим, что ВВП в прошлом году вырос на 1,5%. Индекс производства обрабатывающей промышленности в процентах снизился на 0,3%. Возросло количество обанкротившихся предприятий на 4,8%. Отток капитала из России продолжается. В прошлом году убежало из России, согласно официальным данным, 60 миллиардов рублей, что почти в два раза больше, чем в 2017 году. Количество предприятий обрабатывающей промышленности сократилось в прошлом году на 5%.

Итог моего доклада состоит в том, что, да, появляются позитивные меры, Минпромторг и отдельные ведомства принимают позитивные шаги, но предпринимаются и шаги, которые усиливают нагрузку на промышленные предприятия. Поэтому, мы не видим четкой стратегии, мы не видим внятной политики со стороны правительства, направленной на повышение конкурентоспособности нашей экономики, на повышение конкурентоспособностью наших промышленных предприятий. Шаг вперед, шаг назад, то есть, стратегия не просматривается. Сейчас, в заключение, кратко напомним те параметры, которые мы хотели бы видеть, которые мы тут обсуждали два года назад, когда мы представляли предложения по стратегии развития российской экономики.

Нам нужна стимулирующая налоговая политика. Да, можно ужесточать администрирование, да, можно более четко и тщательно анализировать работу предприятий и жестко начислять штрафы, но при этом надо снижать и налоги. То есть, для тех предприятий, которые честно платят налоги, налоговая нагрузка должна снижаться, этого мы не видим. Мы считаем, что сырье российского происхождения в России должно стоить дешево, дешевле, чем на внутреннем рынке. Правительство при этом повышает акцизы, повышает НДС, и стоимость сырья на российском рынке становится все выше.

Мы предлагаем двигаться в обратном направлении. Мы предлагаем вернуть 50%-ю инвестиционную льготу по налогу на прибыль, и вернуть прогрессивную шкалу налогообложения. То есть, налоги должны быть невысокими, и налоговая политика должна иметь стимулирующую функцию. Сегодня мы такой функции у налоговой системы не видим.

Второе предложение. Денежно-кредитная политика, естественно, должна быть направлена не только на борьбу с инфляцией, но и на развитие промышленности, на создание количества рабочих мест. Это значит, что нужно снижать ключевую ставку и отказаться от политики, направленной на монополизацию банковской системы.

Следующее предложение состоит в том, что надо применять протекционизм. Надо выравнять условия конкуренции между российскими производителями и зарубежными. Здесь мы видим как раз некоторые успехи, в частности утилизационный сбор и другие меры, меры поддержки экспорта, они как-то нивелируют эту проблему, отчасти выравнивают условия конкуренции. Опять же, мы видим это как скорее реакцию на внешние раздражители, на санкции со стороны зарубежных конкурентов, но не просматривается долгосрочной стабильной политики, направленной на выравнивание условий конкуренций.

Если мы эти три параметра решим, три вещи – стимулирующая налоговая политика, мягкая денежно-кредитная политика, и разумный протекционизм, то промышленным предприятиям будет дышаться гораздо легче. Хотя уже и сейчас есть определенные успехи вследствие робких шагов правительства. Такой доклад, уважаемые коллеги, спасибо вам за внимание, буду рад, если выскажете какие-то пожелания, критику, дополнения к нашему докладу. Потом мы разошлем этот доклад по региональным отделениям, по комитетам ТПП. Надеемся, что доклад обогатится, станет более весомым, и надеемся, что от имени ТПП он будет направлен в правительство. Спасибо большое за внимание.

Константин Бабкин: (00:40:01) Слово предоставляется Сергею Юрьевичу Глазьеву, советнику президента Российской Федерации.

Сергей Глазьев: Здравствуйте, уважаемые коллеги. Поддерживаю изложенные в докладе тезисы, и в целом те предложения, которые были высказаны Константином Анатольевичем. Я хотел бы остановиться на некоторых замечаниях, которые, мне кажется, могли бы повысить обоснованность доклада и расширить число рекомендуемых мер. В соответствии с порядком, который был представлен в докладе, я пройду по главным сюжетам.

Налогообложение. Кроме тех налоговых маневров, которые были указаны в докладе, я бы предложил подумать еще над одним налоговым маневром относительно выравнивания налогообложения прибыли предприятий и доходов населения. У нас одна из немногих стран мира, где налогообложение производственной деятельности намного выше, чем налогообложение потребления. Нам нужно выравнивать уровень налогообложения доходов юридических лиц и доходов физических лиц. Для юридических лиц нужно просто увеличить вычеты в пользу амортизации, переходить на ускоренную амортизацию. Цена этого маневра около пяти триллионов рублей, которые можно было направить на инвестиции. Одновременно это еще один аргумент в пользу прогрессивной шкалы подоходного налога. Таким образом, собственники предприятий получили бы стимул не выводить деньги из бизнеса в дивиденды, а наоборот держать деньги в бизнесе, увеличивать инвестиции за счет ускоренной амортизации, и, может быть, меньше распределять доходы в дивиденды.

Кроме этого, мне кажется, нужно вернуться к дискуссии относительно НДС. Его подняли, как вы знаете, хотя это самый вредный налог в экономике, который мешает технологическому развитию, который штрафует за технологическое развитие. Он очень трудоемкий, его эффективность с точки зрения бюджетных операций составляет 10%, половина бухгалтеров у нас, порядка двух миллионов человек, заняты перелопачиванием НДС.

Давно ведется дискуссия по поводу замены его на налог с продаж. Я думаю, что нужно к этому вернуться, и добавить еще одну меру. Зачем мы стимулируем экспорт сырья,

возвращая НДС экспортерам нефти, газа, даже необработанных металлов? Ведь это в чистом виде вывоз капитала за границу. Они же не возвращают эти деньги в страну, они имеют возможность сегодня извлекать сверхприбыли на природной ренте, которую они присваивают в части экспортируемые ресурсы, тратят деньги здесь в рублях, там получают валютную выручку по заниженному многократно курсу. Мы, мало того, что субсидируем экспорт сырья за счет занижения курса рубля, так мы еще возвращаем им НДС. Я считаю, что нужно прекратить возврат НДС экспортерам сырьевых товаров. Такие налоговые маневры могли бы существенно поднять эффективность налогообложения.

Я думаю, нужно отмену НДС привязать к налогу на дополнительный доход в целях выравнивая рентабельности в добывающих отраслях – это общепринятая в мире мера. У нас есть законопроект по налогу на дополнительный доход. Конечно, НДС – это просто налог на потребителя, в который уходит повышение цены и провоцирует удорожание сырья. А налог на дополнительный доход в этом смысле нейтрален и решает задачу извлечения природной ренты.

Следующая большая тема – денежно-кредитная политика, начиная с цели Центрального банка. В экономической теории есть доказательство, которое сделал Нобелевский лауреат Тобин, который математически доказал, что главной целью Центрального банка должно быть создание условий для максимизации инвестиций. Не просто роста экономической активности, не только роста занятости, что имеет свое объяснение с точки зрения эконометрики. Тем не менее, главной целью денежной политики должно быть увеличение инвестиционной и инновационной активности. Напомню, что Шимпер еще называл процентом налогом на инновации. Я бы дополнил цели Центрального банка стимулированием инвестиционной и инновационной активности.

По самой денежно-кредитной политике. Тот порочный круг, который здесь представлен, я бы дополнил еще одним порочным кругом, в котором мы болтаемся уже 20 лет, и каждый раз наступаем на одни и те же грабли, разбив уже основную часть отраслей нашей высокотехнологической промышленности. А именно попытки бороться с инфляцией путем повышения процентных ставок и сжатия денег, в качестве главного результата ведут к сокращению инвестиций – это очевидно. Чем выше процентная ставка, тем ниже уровень инвестиционной и инновационной активности. Следствием этого является технологическая деградация, что ведет к падению конкурентоспособности, а это неизбежно вызывает девальвацию рубля.

Девальвация рубля всегда дает толчок к разгону инфляции. Так мы уже пятый раз по этому кругу ходим, и ничего удивительного в том, что мимолетное снижение инфляции, которое продемонстрировал Центральный банк за счет пятилетнего сокращения доходов населения и убийства инвестиционной и инновационной активности в экономике – это лишь миг в этом порочном круге. Дальше начинаются причинно-следственные связи, которые приводят к очередной девальвации и к очередному скачку инфляции. Мне кажется, на это очень важно обратить внимание.

Фактически Центральный банк убил кредит в нашей экономике, и обесмыслил тем самым работу банковской системы, ведь главный смысл банковской системы – трансформация сбережений в инвестиции. Доля инвестиционных кредитов сегодня у наших банков не превышает 7%, то есть они практически перестали кредитовать инвестиции. Более того, сверхприбыли, которые банки имеют, особенно государственные, имеют своим источником попросту изъятие денег из оборотных средств предприятия через завышенные процентные ставки, и из карманов населения через

завышенные по ставкам потребительские кредиты. То есть, банковская система работает в минус экономическому росту, тормозит экономическое развитие, и в цифрах это выглядит таким образом. Примерно 14 триллионов рублей было изъято за последние четыре года из реального сектора и перераспределено через банковский сектор обратно в Центральный банк.

Мы единственная страна в мире, где Центральный банк, вместо того чтобы создавать кредит и условия для кредитования инвестиций, изымает деньги из экономики в гигантских масштабах. У него сегодня политика деградирована до двух инструментов, это эмиссия облигаций, то есть изъятие денег под ключевую ставку, и открытые депозиты для коммерческих банков. То есть, можете не париться с точки зрения рисков заемщиков – давайте деньги в Центральный банк, за счет эмиссии вам Центральный банк будет платить немалый доход. Эта самоубийственная политика является главной причиной нашего перманентного кризиса и падения доходов населения, пятилетнего, мы топчемся на месте уже многие годы, потому что в экономике нет кредита. Нас Центральный банк погрузил в архаику Средневековья. Мы с вами живем в средневековом мире, где нет кредита, где нет возможности развивать никакие инновационные проекты.

Высокие процентные ставки породили залоговое рейдерство – отвратительное явление, которое стало типичным для поведения государственных банков. Могу привести множество примеров, как государственные банки сознательно ухудшают условия кредитования предприятий, для того чтобы отобрать потом предприятия у собственников по символическим ценам. Если собственники сопротивляются, то наготове преступные сетевые сообщества, которые устраивают уголовное преследование, посадки на многие годы бизнесменов, пока у них не отберут все, и не обчистят их, из тюрьмы не выпускают. Таких случаев уже тысячи. Мы сегодня ведем белую книгу таких случаев. Это целая эпидемия сегодня развернулась, которая отравляет наш деловой климат.

Что касается предложений, я бы сегодня не сильно уповал на снижение ключевой ставки, а больше бы уделил внимание специальным инструментам рефинансирования. В Китае ставка 4,35%, но большую часть кредитов китайские корпорации от государства получают, если мы говорим о приоритетах развития промышленности, под 0,5% годовых, не под ключевую ставку. Если предприятия госсектора, они получают по 2% годовых. Если просто вам нужен кредит, то вы получите по 4% годовых, если он связан с производственными программами. Поэтому, не столько ключевая ставка делается сегодня по году в мире с точки зрения стимулирования инвестиционной активности, сколько специальный инструмент целевого кредитования инвестиций под квазинулевые ставки. Ставки для конечных заемщиков, работающих в реальном секторе, не должны превышать 3-4% максимум, исходя из той реальной рентабельности, которая в реальном секторе складывается.

У нас теоретически есть такая возможность, до позапрошлого года Центральный банк использовал специальные инструменты рефинансирования. Сейчас они полностью свернуты, их нужно возобновить, и вернуть те 14 триллионов рублей в реальный сектор, который Центральный банк изъял, повышая процентные ставки.

(00:50:03) В заключение я бы хотел отметить, что такого рода политику проводят только две крупных страны по рецептам международного валютного фонда, это Россия и Бразилия. В Бразилии следствием этой политики стало уже два государственных переворота, и колоссальное социально-политическое напряжение. Нам это, конечно, не нужно, но мы должны со всей ответственностью сказать, что политика Центрального

банка и денежных властей ведет к катастрофе не только экономической, но и к социальной.

С другой стороны, реализация мер, которые в докладе предложены, я бы немножко уточнил. Если мы реализуем не просто в целом поддержку повышения конкурентоспособности нашей экономики через предложенные меры, но будем также дифференцировать эту политику в зависимости от динамики разных отраслей и сфер деятельности в связи с технологической революцией, со сменой технологических укладов, а именно делая ставку на опережающее развитие нового технологического уклада, на углубление переработки сырья, на стимулирование инновационной активности, то мы можем выйти вполне на 8% прироста валового продукта в год. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Сергей Юрьевич, за ценные дополнения, замечания. Кстати, повышение НДС мы в докладе не учитывали, потому что фактически повышение НДС состоялось 1 января уже текущего года, поэтому это мы учтем в докладе следующего года, хотя тема, конечно, очень тоже важная и тяжелая, спасибо, что вы ее подняли. Бережной Андрей Александрович, генеральный директор компании “Ralf Ringer”. Производство обуви Владимирской и Московской области.

Андрей Бережной: Добрый день, уважаемые коллеги. После столь емких докладов крупных специалистов мне трудно что-то говорить новое. Константин Анатольевич, вы сказали, что НДС мы будем снижать в следующем году. Я считаю, что неправомерно в доклад включать тот факт, что налоги не повышались, потому что ожидание повышения НДС на 12% сказалось, в моем представлении, глобально. Это привело к росту цен заблаговременных, это привело к тому, что ожидание негативных сценариев развития с рынком продаж привело, опять же, к тому, что предприятия затормозили даже возможные инвестиции. Короче, ожидание было крайне плохое. И когда сейчас заявляется, что инфляционные последствия введения НДС оказались ниже ожидания, с моей точки зрения, это не потому, что цены реально не выросли, а просто за ту же цену стали продавать продукты более низкого качества, с низким уровнем инвестиций в сам продукт, и так далее. Это первое.

Второе, рост зарплат на 5%, который вы отметили в докладе, не привел к оживлению потребительского спроса, потому что ожидания, которые есть на рынке, крайне негативные. Скорее всего, те люди, которым эти 5% удавалось не потратить немедленно на колбасу или на те самые пресловутые две пары обуви на члена семьи, скорее всего, люди эти деньги откладывали в сбережения и в коммерческий не пускали, что, опять же, приводило к стагнации в области промышленного производства.

Пару слов по поводу постоянного и очень аргументированного тезиса уважаемого академика Глазьева на тему кредита Центрального банка. Мы исходим из того, что размер учетной ставки и доступность кредита технически определяет экономическую активность. С моей точки зрения, это не совсем так. На примере нашего предприятия, ключевая проблема, с которой мы сталкиваемся, это размер рынка сбыта, рынка продаж. Я в этом зале неоднократно отмечал, что нам приходится конкурировать со странами-производителями, имея ввозную пошлину, близкую к нулю.

То есть, если она отличается от нуля, это крайне незначительные величины. Эти же страны, с которыми мы конкурируем, имеют глубоко защищенный собственный рынок продаж, исчисляемый десятками процентов. Поэтому, даже если нашему предприятию или любому другому предприятию дать много денег бесплатно, вероятнее всего

конкурентоспособность производства на территории России от этого не изменится, поскольку, условно говоря, в Турции и в Китае в любом случае косты будут ниже.

То есть, грубо говоря, возможно, Центральный банк, **(00:55:00)** не давая много денег в экономику, руководствуется в том числе и тем, что рынок, на котором можно реализовать инвестиционные производственные программы, он ограничен. И они говорят: «Сперва увеличьте рынок, потом мы будем это инвестировать низкой кредитной ставкой». Я понимаю задачу так. То есть, грубо говоря, если взять низкую процентную ставку для нашего предприятия и сказать: «Производите», – все равно встанет вопрос, во-первых, куда это продать, как, с помощью чего конкурировать с тем, что на этот спрос хлынет дополнительное количество товаров из-за границы, и каким образом их инвестировать долгосрочно, потому что долгосрочной экономической политики в рамках нашей страны не существует.

То есть имеются некие тактические задачи, которые правительство решает. Показательно доклада. Предлагаю в 2019 году в докладе, который мы будем делать в 2020 году за 2019 год, в обязательном порядке включить два параметра дополнительных – как параметры, определяющие конкурентоспособность экономики. Параметр номер один: уровень доверия к экономической политике президента Российской Федерации, правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации в сравнении с предыдущим годом. Поскольку на уровне этого доверия базируется инвестиционная активность отдельно взятых предприятий. Верить, не верить.

Когда мы говорим об источниках, когда мы говорим о целях, мы говорим о том, что да, скорее всего, если ставка будет ниже, если рынок будет лучше, то, скорее всего, мы будем инвестировать чуть живее. Но решение принимают конкретные люди не только на основе расчетов, а еще и на основе доверия к тому, что эта экономическая ситуация не изменится хотя бы в среднесрочной перспективе. Ну, это позиция предпринимателя, мы живем так.

И второй параметр предлагаю ввести в доклад. Это прогноз изменения экономической ситуации в стране, определяющий инвестиционную активность предприятий. Прогноз. Что говорят предприниматели? Что будет завтра? Пусть это будет субъективная оценка. Но когда мы будем говорить о том, что мы спросим об этом у экономически активных субъектов, которые и принимают решение инвестировать или не инвестировать, как они оценивают перспективу? Если эта оценка будет отрицательной, это значит, что конкурентоспособность предприятий и промышленности будет хуже, инвестиций не будет.

Абсолютно правильно сказано, что конкурентоспособность определяется инвестициями. Но эти инвестиции имеют источник, который определяется кредитом, который определяется емкостью рынка и так далее. И если мы это расширим, конечно, это станет лучше. Но, кроме всего прочего, он определяется еще и тем, что мы верим в то, что наша экономическая система будет продолжать развиваться, то есть строиться на доверии к институтам, которые управляют экономикой. И если этого доверия не будет, толку с инвестициями не будет.

Поэтому эти два параметра доверия предлагаю внести в будущий доклад. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Андрей Александрович. Действительно, Центробанк и другие структуры оперируют такими понятиями, как ожидаемая инфляция или ожидание

инфляции. Поэтому мы тоже можем вполне уровень доверия и ожидания, связанные с повышением конкурентоспособности, анализировать.

Андрей Бережной: На примере же НДС. Я же еще раз говорю, что вроде бы как налог не повышали. Но в тот момент, когда решение было принято... То есть реально решения об инвестиционных проектах, они как минимум были отложены до выяснения последствий. Черт его знает, что будет.

Константин Бабкин: Это правда. А насчет того, что Сергей Юрьевич говорит о повышении конкурентоспособности и денежно-кредитной политики, вы говорите, что мне важны **касты**, как вы сказали. И себестоимость...

Андрей Бережной: Я говорю, что все-таки кредитная политика – это средство достижения цели, а не цель. А средства – это инвестиции продаж на расширяющемся рынке. Если расширяющегося рынка нет, то создать расширение только через кредит невозможно. Кредит не создает рынок, кредит создает инструмент захвата рынка.

Константин Бабкин: Сергей Юрьевич больше сконцентрировался на денежно-кредитной политике. Но в докладе же у нас есть расширение рынка, связанное со словами «протекционизм», «поддержка экспорта», «защита рынка». Во-первых. Во-вторых, снижение налогов и стимулирующая налоговая политика. Это снижение себестоимости производимой вами продукции. И дешевый кредит даст возможность на расширяющемся рынке на низкой себестоимости обновляться и увеличивать объем производства, повышая зарплаты, повышая тем самым покупательную **(01:00:00)** способность людей.

Андрей Бережной: Это очень-очень длинный путь. И не факт, что ровно мы в нашей северной стране в отсутствие прямых мер защиты внутреннего рынка даже при низком кредите победим. Не факт, потому что, еще раз говорю, наша территория огромна, богата, но, к сожалению, требует больших средств для ее содержания в порядке.

Константин Бабкин: Сергей Юрьевич.

Сергей Юрьевич: Маленькую реплику. Мы говорим о системной политике, где все инструменты должны работать на одну цель – и защита рынка, и кредит, и прочее. Но я хочу обратить внимание, что в разных отраслях, конечно, разные проблемы. Вы наталкиваетесь на ограниченность платежеспособного спроса населения, плюс на конкуренцию со стороны импортеров. А вот авиационная промышленность, которая здесь указана, она наталкивается на то, что для импортозамещения, которое безгранично в авиационной промышленности, и возможности есть, необходимо финансирование лизинга самолетов.

Сами авиакомпании самолеты не покупают, они их берут в аренду. А государственные банки наши, вместо того чтобы покупать российские самолеты и отдавать их в лизинг

российскому «Аэрофлоту», покупают иностранные самолеты, а правительство еще дает иностранным самолетам льготы ко временному ввозу и освобождает от НДС. Поэтому это все вместе. Самое главное – это отсутствие механизма финансового лизинга здесь. Именно из-за этого произошло замещение парка самолетов иностранными.

То есть отсутствие механизмов финансирования инвестиционных долгосрочных проектов для таких капиталоемких отраслей, скажем, – это самое узкое место. Для вас другие, может быть, приоритеты.

Константин Бабкин: Спасибо. Идем дальше. Ушачев Иван Григорьевич, научный руководитель НИИ экономики сельского хозяйства. Семь минут, пожалуйста.

Иван Ушачев: Спасибо. Уважаемый Константин Анатольевич, уважаемые коллеги, прежде всего мне хотелось бы отметить содержательную сторону заглавного доклада, которым были освещены основные проблемы нашей российской экономики и ее влияние на развитие прежде всего отечественной промышленности. Мне же позвольте остановиться кратко на проблемах и перспективах развития агропромышленного комплекса страны.

Прошедший 2018 год для сельского хозяйства выдался, к сожалению, непростым. Впервые с 2012 года производство показало снижение на 0,6 процентов. И все же в целом в 2018 году удалось достичь продовольственной независимости по основным видам продукции, кроме молока. Доля импорта продовольствия в товарных ресурсах розничной торговли сократилась с 34 процентов в 2014 году до 24 процентов в 2018 году. Вместе с тем, несмотря на процесс импортозамещения, спрос на продовольствие остается под давлением динамики реальных располагаемых доходов населения, которые в 2018 году остаются ниже уровня 2013 года на 10,3 процента.

Проблема усугубляется еще и сильным расслоением населения по уровню дохода. Например, доля граждан, потребляющих продукцию в рамках рациональных норм – подчеркиваю, рациональных, – по молоку, например, составляет только 20 процентов. По фруктам и ягодам – десять, а по рыбе – 50. Несмотря на то что многие проблемы дальнейшего развития сельского хозяйства носят системный, комплексный характер, однако управление отраслью до сих пор осуществляется в отсутствие долгосрочной стратегии ее развития, о чем говорил уважаемый Константин Анатольевич.

В феврале этого года была утверждена новая редакция государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, сроки реализации которой продлены до 2025 года. В качестве положительных моментов необходимо отметить, что одной из главных ее целей остается обеспечение продовольственной безопасности страны с учетом экономической и территориальной доступности продукции, роста добавленной стоимости, при этом четко обозначена целевая задача об увеличении экспорта более, чем в два раза – до 45 миллиардов долларов США.

Вместе с тем заявленные целевые показатели вызывают очень серьезную (01:05:00) озабоченность. Например, во-первых, в программе заложен среднегодовой прирост производства продукции до 2025 года примерно два процента или в два раза ниже, чем были среднегодовые темпы роста в предыдущие пять лет. Во-вторых, запланированный индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства

предусмотрен в размере всего 21,8 процента за восемь лет. То есть в среднем в год около 2,5 процента. В то время как, согласно базовому прогнозу Минэкономразвития, в этот период в целом по нашей экономике прирост инвестиций в основной капитал должен составить 6,1 процента в год в среднем. В-третьих, в программе заложено увеличение объема располагаемых ресурсов домашних хозяйств в сельской местности примерно на 16 процентов. Учитывая инфляцию, произойдет снижение реальных доходов сельского населения практически на четверть.

Еще очень важная проблема – это неравномерность и недостаточность финансового обеспечения государственной программы. В программе предусмотрено выделение бюджетных средств из федерального бюджета в первые три года в среднем по 300 миллиардов рублей в год. Затем рост происходит до 370. В 2025 году уже спад. И это в текущих ценах. В ценах 2018 года объем бюджетных ассигнований из федерального бюджета в 2025 году сократится с учетом инфляции почти на треть. В то же время по обозначенным цифрам какой-то экономической обоснованности и соотношения с темпами роста производства не наблюдается.

По нашим же расчетам, для реализации программы потребовалось бы увеличить ее финансирование как минимум в полтора раза в сопоставимом исчислении. Следует отметить, что, помимо указанной государственной программы развития сельского хозяйства правительство наконец обратило особое внимание на развитие сельских территорий, и в настоящее время готовится специальная государственная программа развития сельских территорий, проект которой проходит в настоящее время общественное обсуждение.

Ознакомившись с проектом программы, мы видим тоже большие риски в принципах ее реализации. Во-первых, когда государство уходит от гарантированного обеспечения населения социальной и инженерной инфраструктурой, переводя эту тяжелую проблему на местный уровень, когда граждане должны на конкурсной основе доказывать необходимость строительства тех или иных инфраструктурных объектов. Во-вторых, в программе отдается приоритет тем регионам, которые могут обеспечить необходимое софинансирование. В результате мы опять можем прийти к усилению региональной дифференциации, то есть, когда бедные станут еще беднее.

Таким образом, нам представляется, что действующая ныне социально-экономическая политика в целом в стране, в том числе и в аграрной сфере, не является комплексной. Отдельные ее элементы не согласованы между собой, что не способствует повышению устойчивого развития и, бесспорно, конкурентоспособности. Благодарю за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Иван Григорьевич. Идем дальше. Коломейцев Николай Васильевич, первый заместитель председателя комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов. Через шесть минут первый звончок, через семь – двойной звончок. Всего семь минут.

Николай Коломейцев: Уважаемые коллеги, безусловно, основные положения доклада надо одобрить, но я бы посмотрел на него немножко с другой стороны. Если вы посмотрите, то 11 невыполненных указов президента заменены одним, и там одной из базовых задач стоит 3,5 роста ВВП в год. Мы в течение десяти лет не дотягиваем и до половины этой задачи. Если посмотреть на вторую составляющую, особенно это касается

легкой промышленности, которая в первую очередь, и пищевой, влияет показатель падающих доходов населения.

Мне удалось добыть один интересный документ в Счетной палате, он будет интересен и вам. За прошлый **(01:10:00)** год обязательные платежи физических лиц... Константин Анатольевич сказал, как положительный момент – увеличение зарплаты в некоторых отраслях на 11 процентов. Общие обязательные платежи в прошлом году выросли на 12 процентов. В общей сложности на 427 миллиардов 67 миллионов. Наибольшее – подоходный налог на 402 миллиарда фактически увеличился. Налог на имущество физических лиц увеличился на девять миллиардов 111 миллионов. Таможенные пошлины возросли для граждан на 8,9 миллиарда рублей. Штрафы за нарушение правил ПДД – два миллиарда 291 миллион, а в общей сложности 69 миллиардов 593 миллиона. И вы слышали, что разгоряченный главный гаишник объявил о том, что на некоторые нарушения надо увеличить в пять раз. Ну, вы понимаете, наверное, хотят, чтобы увеличивающиеся налоги... Транспортный, кстати, налог тоже увеличился на четыре миллиарда 425 миллионов и составил 132 миллиарда рублей. Это плюс к акцизам и всем остальным вопросам.

Поэтому мне кажется, что надо посмотреть и причину, почему на депозитах банков сегодня находится более 30 триллионов рублей. Я понимаю, что это не обрабатывающих отраслей, а госкорпораций, которые получают безблатные деньги, зарабатывают себе дивиденды, положив на депозит, при этом увеличивая государственные долги.

Если вы посмотрите, сегодня корпоративный внешний долг у нас 454 миллиарда долларов, а золотовалютные резервы – уже 489 миллиардов долларов и выросли за прошлый год на 34 миллиарда, а уже за три месяца этого года – на 22 миллиарда. Получается, что у нас, в принципе, стимулируются все полученные дивиденды за счет повышения цен на углеводороды, канализировать и вывозить туда. Давайте посмотрим, что произошло с Венесуэлой, ее большими золотовалютными резервами и Ираном. Просто ввели санкции. И у вас вроде как деньги есть, а на самом деле их нет.

Поэтому, в общем-то, академик Ивантер с группой товарищей, они провели исследования, которые говорят о том, что золотовалютные резервы в стране больше 300 миллиардов долларов не нужны. Они должны гарантировать импорт незаменимый и должны гарантировать как бы обязательные платежи. Но у нас получается, смотрите: Северный поток – 2, «Сила Сибири», Южный поток. Мы проанализировали несколько моментов по 15 ключевым госкорпорациям и ПАО с участием государства. Что получается? С одной стороны, они резко наращивают долги. Скажем, та же «Роснефть» имеет уже более восьми триллионов долги по кредитам, которые будут в арифметической прогрессии нарастать, и в ближайшее время уже надо будет выплатить 67 миллиардов долларов. Тот же «Газпром» имеет такую же политику. Но нас удивляет, что дивиденды этих правлений, этих госкорпораций и ПАО не уменьшаются, а составы правления совета директоров тихой сапой переходят под контроль иностранцев.

Скажем, наша гордость «Роснефть» – из 11 членов совета директоров семь – иностранцы. Все наши стратегические якобы по телевизору недруги – американцы и англичане. Если посмотрите, скажем, в «Газпроме» у нас тоже... Кстати говоря, в «Роснефти» председатель правления – Шредер. В «Газпроме» у нас Миллер. Я могу перечислять. В Сбербанке у нас Греф. Я не шовинист, но на самом деле вы обратите внимание на эти проблемы, потому что получается, что вроде благосостояние наше, а управляем не мы. Наверное, поэтому у нас и идет вывоз в основном всего заработанного туда. И на самом деле только за два

месяца этого года вывоз капитала составил 1,2 триллиона рублей. **(01:15:00)** За прошлый год, вам напомню, 67,5 миллиардов долларов вывоз – это в пять раз больше, чем за предыдущий год.

То есть получается, что вся политика Центробанка или Банка России (у нас нет Центробанка), здесь я с Константином Анатольевичем и Сергеем Юрьевичем на 200 процентов согласен, что мы должны... И мы подготовили такую поправку – закон о Банке России, о введении первой ответственности банка за рост экономики. Потому что, с моей точки зрения, с той политикой, которая есть сегодня, банк превратился в рантье. Только за прошлый год чистая прибыль банковской системы увеличилась на 50 процентов. Неплохо устроились. Если посмотреть, скажем, пример того же Рузвельта во время Великой депрессии, первое, что он сделал, – ограничил аппетиты банков и ввел антитрестовское законодательство.

Мне кажется, что у нас это тоже крайне необходимо. Я бы хотел отметить еще один вопрос. К сожалению, в третий раз мы должны понять, у нас на ключевые посты в государстве пришли праволибералы. В результате **зуд** некоторых из них может полностью обнулить преференции, которые были наработаны в колоссальных дебатах, в том числе и на этой площадке. Скажем, некто Аратский, который когда-то был замминистра имущественных отношений, сегодня главный советник Козака. Вот он как раз подготовил постановление номер 191, которое обнуляет 13 постановлений для станкостроения, специализированного машиностроения и фактически все наработанное сводит на нет. Поэтому я на встрече с председателем правительства нашей фракции этот вопрос поставил. Я думаю, на отчете правительства мы тоже это поставим.

Но я просил бы, чтобы все участники, которые зависимы от этого, дали бы объективную информацию, написали письма, чтобы можно было опираться на конкретную информацию производителей, которые, в принципе, и так не очень были польщены этими привилегиями. Почему? Потому что, как правило, у нас провокационно Минсельхоз то объявлял пятипроцентные кредиты льготные, потом забывал положение написать, в результате 14.32 не работала и ряд других постановлений.

Поэтому, завершая свое выступление, я хотел бы обратить внимание, Константин Анатольевич, еще на момент рекомендаций, если они будут. Все-таки по Центробанку, мне кажется, нам надо продолжать политику. Потому что Эльвира Сахипзадовна, она лучший банкир, по версии американцев. Но, с моей точки зрения, для российской экономики, особенно перерабатывающей и обрабатывающей промышленности кредитно-денежная система является тупиком. Спасибо.

Константин Бабкин: Нет, тему Центробанка и денежно-кредитной политики никак невозможно обойти, разговаривая о промышленной политике. Поэтому обязательно учтем. Спасибо. Гамза Владимир Андреевич, председатель совета ТПП по финансово-промышленной и инвестиционной политике.

Владимир Гамза: Добрый день, уважаемые коллеги. Пока ставят презентацию, я хотел бы попробовать ответить на вопрос, что вперед – курица или яйцо, что вперед – финансирование промышленности или расширение рынка для промышленности. На самом деле одновременно. А для того чтобы промышленную продукцию покупали граждане, они должны быть богатыми. Для того чтобы они стали богатыми, надо, чтобы

увеличилось производство ВВП, потребляемого внутри страны. Увеличить это производство без финансирования невозможно.

Поэтому совершенно очевидно, что путь лежит в следующем: увеличение производства ВВП, потребляемого внутри страны, за счет сокращения импорта, то есть за счет импортозамещения, путем расширения денежного предложения для предприятий для расширения этого самого производства. Никакого другого варианта здесь нет. Иначе этот замкнутый круг никогда не разорвать.

Я хочу только одну тему сегодня поднять. Во-первых, я полностью поддерживаю, естественно, доклад, замечательный доклад, очень все достаточно подробно. Возможно, какие-то темы можно в следующем году добавить. Но сейчас это очень четко все изложено. Я хочу поднять только один **(01:20:00)** вопрос. У нас есть одна проблема: наша бедность в нашем богатстве, в том числе в финансовом. И одна из этих проблем – это отсутствие трансмиссионного механизма.

Я не буду останавливаться. Задачи Президент поставил просто колоссальнейшие. И эти задачи, исходя из того, какое место мы сегодня занимаем в мире по тем позициям, по которым KPI поставил президент, совершенно очевидно, на новом уровне монетарных условий просто не решить. И это те монетарные условия, которые действительно будут на несколько порядков выше, чем те, в которых мы находимся.

И, к сожалению, основной проблемой является позиция нашего мегарегулятора. И самый главный его ложный тезис, что быстрый рост экономики невозможен, потому что якобы нет свободных мощностей. Если вы откроете основные направления денежно-кредитной политики, там это первым тезисом написано. Это основной вложенный тезис. И если Центральный банк будет проводить ту политику монетарную, которую проводит, совершенно очевидно, указ президента выполнен не будет.

Могу доказать. Вообще надо все сравнивать всегда с ВВП, и тогда будет понятно, а что происходит на финансовом рынке. Так вот, по прошлому году кредиты нефинансовому сектору относительно ВВП сократились на 0,6 **процента**. Кредиты МСП тоже сократились. Только кредиты физическим лицам выросли. Почему? А потому что падают реальные доходы населения, они вынуждены покрывать привычный образ жизни за счет увеличения кредитования, попадая в кабалу на самом деле.

Инвестиции. То же самое. Инвестиции в основной капитал в прошлом году относительно ВВП упали на 0,4 процента. Правительство рапортует, что на четыре процента выросли инвестиции, это номинально. А относительно ВВП упали на 0,4 процента.

Да, хочу отметить, доля банков, всех банков – наших и иностранных, – 11,2 процента. При этом иностранцы занимают половину, наши отечественные банки всего 5,8 процента занимают в общем объеме инвестиций, при этом занимая 88 процентов активов всего финансового рынка. Гора родила мыш. И, вы знаете, меня так подмывает, чтобы наш ФАС начал исследование вопроса о развитии монополизма Центральным банком в нашем финансовом секторе. Ведь просто целенаправленная политика по развитию монополизма, а цифры катастрофические. Кредитные организации Москвы сегодня – почти 91 процент всех банковских активов. 91 процент всех банковских активов. Ну, о чем можно говорить?

Теперь вопрос, а есть ли у нас в стране достаточные финансовые ресурсы для того, чтобы решить эту задачу мощного денежного предложения для развития инвестиций и развития производства? Извините за грубое выражение, выше крыши. У нас почти 120 триллионов

рублей свободных, кэш-позиция, не активов – свободных денежных средств внутри страны. 120 триллионов рублей. При этом денежная база тоже растет, растет объем денег у правительства, у кредитных организаций и так далее. Вопрос, почему не растет денежная масса? А денежная масса падает при этом. По одной простой причине – это политика Центрального банка.

При депозитной ставке Центрального банка 6,75 процентов для банков – да извините, на фигу им кредитовать кого-то? Клади деньги в Центральный банк и забывай о каких-либо своих проблемах. Поэтому нет никакого другого сегодня инструмента, как только налаживание серьезного трансмиссионного механизма **(01:25:00)** превращения этих огромных сбережений в инвестиции. Это возможно, это понятно, как надо делать, я не буду детально останавливаться, желающие могут посмотреть. Это все можно сделать.

Только один штрих. Если сегодня выполнить закон 1996 года о возврате обманутым вкладчикам Сбербанка денежных средств, вот прямо по пунктам этот закон 1996 года выполнить, то государство должно сегодня отдать этим вкладчикам активы или денежные средства на 500 миллиардов долларов. Вот если сегодня государство акционирует свое имущество и собственность и передаст гражданам эти акции на 500 миллиардов долларов, мы создадим такой финансовый рынок, который будет сопоставим с развитыми рынками.

И сегодня наши люди не те, которые были в 90-х. Они точно разумно распорядятся этими активами, и у нас появится нормальный рынок. Это только один штрих, что вообще можно сделать. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Владимир Андреевич. Идем дальше. Берсенев Игорь Германович, управляющий партнер компании «Сфера-Контакт», город Симферополь, Крым. Сфера телекоммуникаций. Кстати, коллеги, хочу сказать, что следующее заседание нашего совета пройдет в Крыму, в Севастополе, 21 мая. Поэтому посмотрим на проблемы экономики с точки зрения крымчан и 21 мая, и сейчас. Пожалуйста, Игорь Германович.

Игорь Берсенев: Добрый день. Мне хотелось бы отметить, что в докладе изложен глубокий анализ причин снижения конкурентоспособности и отражен системный подход к реализации направления работы для улучшения ситуации. Мне хотелось бы остановиться на разделах резкого увеличения МРОТ, оплаты труда и **атмосферы** ведения бизнеса. Наверное, не секрет, что в составе затрат крупных промышленных предприятий значительную долю составляет оплата услуг предприятий инфраструктуры, конструкторских бюро, научных учреждений, предприятий связи и других предприятий, которым на аутсорсинг сегодня переданы ряд функций промышленных предприятий.

И общее вовлечение налоговой нагрузки в этом секторе как раз сегодня вызывает очень большие волнения. В связи с тем, что направления того бизнеса, в принципе, низкомаржинальны, в докладе не было показано на доске, но в тексте я увидел, что разница в зарплатах в этих секторах достаточно значительна, поэтому бизнес низкомаржинальный. И увеличение налоговой нагрузки приводит к тому, что эти предприятия, а это в основном сфера малого бизнеса, вынуждены уходить в тень, чтобы не обанкротиться. В составе себестоимости этих работ до 75 процентов занимает фонд оплаты труда и страховые взносы.

Поэтому при оптимизации своей работы единственный маневр, который они могут сделать, – это конвертная оплата труда, чем они и не брезгают в значительной части. Мало того что это приводит к снижению поступления налогов в бюджет, это еще и серьезно расшатывает бизнес на этой площадке, потому что недобросовестная конкуренция приводит к тому, что предприятия, которые работают в серой зоне, демпфируют своими ценами тех, кто продолжает работать в правовом поле.

Более того, добросовестные предприятия значительную часть своей выручки тратят на обучение персонала, поскольку это предприятия, которые торгуют мозгами. Предприятия, которые работают в серой зоне, расходы поэтому не несут, но, предложив в конверте на несколько тысяч больше, переманивают этих специалистов с добросовестных структур. Поэтому они не тратят на налоги, они не тратят на обучение, значительно по низкой цене предлагают свои услуги, и добросовестные предприятия буквально через два-три месяца оказываются в ситуации предбанкротной. Поскольку фонд оплаты труда высокий, заказы снижаются, выплачивать **(01:30:00)** зарплату нечем, ну, и последствия всем понятны.

Что же здесь важно? Важно здесь отсутствие практически полного государственного контроля за этой ситуацией, поскольку она абсолютно декларативна. Для того чтобы привлечь директора предприятия, платящего зарплату в конверте, нужно, чтобы ущерб бюджета составлял более трех миллионов рублей. Что такое три миллиона рублей по страховым взносам? Это с учетом, что какая-то часть платится официально, состав сотрудников должен быть не менее 300 человек. Много известно вам КБ или услуговых предприятий, в которых работают 300 человек и более? Их практически единицы. А в тех, которые больше, они начинают делиться. Часто встречается, на одном этаже находятся два де-юре разных предприятия с одним отделом кадров, с одним телефоном, где принимают на работу людей в одну и в другую структуру. Поэтому трехмиллионный этот барьер убытков, ущерба, нанесенного бюджету, пройден не будет никогда. Целая сфера экономики уходит в тень.

И это в конечном итоге приведет к тому, что у промышленных предприятий в этом направлении возникнут серьезные проблемы, буквально в ближайшее время. Причины я уже назвал. Что в этой ситуации можно и нужно делать? Ну, ждать от правительства, что будут изменены законы, – на это уйдут годы. Я думаю, что оптимальный вариант – это обратиться к положительной практике отраслевых ассоциаций, задача которых будет выявлять на рынке добросовестных участников и недобросовестных, и уже от лица ассоциаций работать с силовыми структурами по наведению порядка в этих отраслях. Потому что, кроме всего прочего, создается огромная коррупционная площадка из среды серых предприятий, и уже добросовестные предприятия, они силовикам больше во вред, поскольку они защищают это поле и не дают им возможности получать коррупционные доходы. Поэтому за ассоциациями, я думаю, здесь есть возможность эту проблему решить в достаточно короткие и сжатые сроки, не прибегая к изменению в действующем законодательстве.

Но правительству, я думаю, есть смысл обратить на это внимание и усилить меры не только контроля, но и влияния на эту ситуацию. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Игорь Германович. Евгений Георгиевич Тарло, президент Столыпинского клуба, попросил, ему надо уходить, пожалуйста.

Евгений Тарло: Спасибо. Во-первых, полностью поддерживаю все тезисы и выводы доклада. Не вижу никакого принципиального различия между позициями Титова, Столыпинского клуба, вообще всех нормальных экономистов, кроме узкого круга так называемых «гайдаровцев»... Ну, я условно «гайдаровцами» называю тех, кто придерживается вот этой политики. Значит, что хотел сказать? Хотел обратить внимание на то, что в очередной раз убедился, что умышленно платными, бесплатными пропагандистами демонизируется образ одного из ведущих наших экономистов – Глазьева. Он никогда не говорил то, что ему приписывается, а то, что он говорил, я, например, полностью поддерживаю. Я думаю, большинство тех, кто здесь есть, все поддерживают, совершенно разумные, нормальные предложения.

Я хотел бы обратить внимание на один аспект, занимаясь которым, мы очень подробно в Столыпинском клубе обсудили, – это конституционное положение о статусе Центрального банка. Здесь вы говорили, господин Бережной, о том, что там вроде бы какие-то мысли есть особые в денежно-кредитной политике Центрального банка. Нет там никаких мыслей. Там мысль одна – удержаться и хапнуть. Больше там ничего нет. У Центрального банка нет задачи конституционной или законодательной, чтобы заниматься ростом экономики, повышением благосостояния, созданием благоприятного климата, расширением рынка. У них нет этой задачи вообще. Они не занимаются этим.

До тех пор, пока в конституции, в законе о ЦБ не будет записано, что они отвечают за создание благоприятных условий для предпринимательства и за социальное положение народа, вообще говоря, они не будут этим заниматься. У них нет этой задачи. Даже юридически, я уже не говорю о качестве выполнения.

Без институциональных изменений, без изменения конституционного положения банка, его функций, задач и положения в системе органов государственной **(01:35:00)** власти и управления ничего у нас в денежной-кредитной политике не изменится, во всей финансовой политике. А без этого невозможен ни рост экономики, ни создание благоприятных условий для бизнеса. Поэтому, значит, статус Центрального банка и в конституции, и в законе о ЦБ, и в гражданском кодексе невнятный, он противоречит и конституции, и другим нормам. Мы сделали целый доклад, желающие могут получить, он размещен у нас на сайте.

Центральный банк нынешний получил все полномочия Госбанка СССР, но добавил к ним независимость и безответственность. Все, что у них было раньше, они все сохранили, они говорят, там все функции Госбанка, плюс они добавили себе – стали мегарегулятором регулирования рынка ценных бумаг, которого не было у Госбанка и ни у одного банка в мире, у Центрального банка, но при этом они независимы, они бесконтрольны. Даже генеральная прокуратура не имеет права проверять аппарат Центрального банка. Даже хозяйственную деятельность. Я уже не говорю о политике.

Центральный банк соединяет в себе функции законодателя, исполнителя, контролера и квазисудебного органа. Очень правильно вы говорите, нужно немедленно изъять это антиконституционное положение, когда Центральный банк лишает собственности акционеров и клиентов банка. Они же лишают собственности не только владельцев банков, которых огульно обвиняют в воровстве, хотя это в большинстве случаев не так. А они же изымают и собственность у клиентов банка, у предприятий.

Еще одно, вроде бы частность, но очень важное. 51 процент акций Сбербанка государственные, но принадлежат они и управляются Центральным банком. Прибыль получает Центральный банк, это триллион рублей. А почему они не поступают в бюджет

страны, не расходуются на нужды страны? Значит, нужно немедленно изымать у ЦБ функции регулятора финансового рынка. В правительстве финансовый блок не должен верховодить над блоком экономическим. Наоборот должно быть: финансы должны обслуживать промышленность. До тех пор, пока первый вице-премьер будет министр финансов, у нас роста не будет, должно быть наоборот, как было всегда. Спасибо.

Мужчина: Можно короткую реплику? У нас же ведь у Центробанка конституционная обязанность о стабильности курса национальной валюты есть?

Евгений Тарло: Есть.

Мужчина: Стабильность есть?

Евгений Тарло: Нет, не выполняют.

Мужчина: А оттого что запишем в конституцию рост, будет рост? Не будет.

Евгений Тарло: Если не запишем, не будет, и задачи такой нет. Нужно поставить задачу. Еще раз, закон должен выполняться. За то, что они не обеспечили стабильность, их нужно разгонять, менять руководство. А если не поменять задачи, то они и не будут их выполнять.

Константин Бабкин: Это правда. Даже среди целей нет развивать экономику. Страна ожидает, что экономика будет развиваться. Действительно, тема Центробанка у нас тут в каждом выступлении звучит. И традиционно у нас на заседании нет представителей Центробанка, хотя мы их традиционно зовем, но вот годами уклоняется руководство этой структуры от дискуссий, то есть обладает полной независимостью от промышленности, от общества, от государства. Просто удивительно и не прекрасно. Идем дальше, у нас теперь два агрария. У вас совместный, наверное, доклад? Не очень понял. Отдельный? Все-таки переходим на формат пять минут, потому что мы уже вышли из графика. Кошманов Владимир Евгеньевич, глава крестьянского (фермерского) хозяйства Калужской области. Через четыре минуты звончек, и через пять минут двойной звончек. Это все уже, значит.

Владимир Кошманов: Уважаемые коллеги, говоря о конкурентоспособности экономики, я бы хотел рассказать о положении дел в малых хозяйствах. Эта сфера не очень большая в сельском хозяйстве, но достаточно заметная. И анализируя открытые данные Росстата, и для примера я взял открытые данные «Россельхозбанка», я бы хотел показать то, насколько эффективный и какой потенциал роста заложен в малых (01:40:00) хозяйствах в сельском хозяйстве. Следующий слайд, пожалуйста.

Если проанализировать динамику поголовья за 2006–2018 годы, то в крупных хозяйствах поголовье стабильно падает, а в малых хозяйствах поголовье (я говорю сейчас о молочной отрасли, так как работаю в этом секторе) стабильно растет. Все эти 12 лет стабильный у нас рост. При этом за эти 12 лет я посчитал, учитывая данные «Россельхозбанка», и они позиционируют себя, что они имеют примерно 33 процента рынка, то «Россельхозбанк» за эти 12 лет выдал 6,7 триллиона организаций, а малым формам всего лишь 200 миллиардов за 12 лет.

И доля выданных кредитов малым формам, она каждый год снижается в «Россельхозбанке» не только в процентном соотношении, сейчас доведена до одного процента от годового портфеля, но и в абсолютной цифре. Там доходило до сорока, по моему, миллиардов, а сейчас это что-то в районе десяти миллиардов на всю страну. Следующий слайд, пожалуйста.

Проанализировав данные по кредитованию на каждый год, видно, что весь АПК растет, причем значительно. Допустим, 12 лет назад кредитование «Россельхозбанка» было 40–50 миллиардов на год, сейчас это триллионы каждый год. И доля финансирования, как я уже сказал, малых форм, она даже снижается. Если мы пересчитаем на голову, говоря об эффективности, о конкурентоспособности, если мы пересчитаем на голову финансирование, то получается, что отличие в 2006 году было в полтора раза между крупными хозяйствами и мелкими, а в 2017 году уже в 30 раз. То есть в 30 раз меньше кредитных ресурсов доступно для малых форм. Но при этом мы растем как по производству молока, как по поголовью, а крупные хозяйства по поголовью только падают. Следующий слайд, пожалуйста.

Если говорить о перспективах и возможностях для экономики с точки зрения малых хозяйств, то если тенденции сохранятся, то порядка в 2037 году поголовье вообще сравняется в больших и малых хозяйствах. Следующий слайд, пожалуйста.

Говоря о среде, в которой мы работаем, об экономической среде и дополнительных проблемах, которые существуют для малых форм, несмотря на то что мы растем и развиваемся, – это, конечно, отсутствие доступа к капиталу, и тот же самый Центробанк – это организация, которая... У меня на селе в маленьком хозяйстве – и то про Центробанк у нас постоянно какие-то обсуждения. И очень странно, что такая крупная организация влияет на мелкие хозяйства. В итоге получается так.

Значит, из проблем еще – это конкуренция с фальсификатами и высокими технологиями, потому что мы фактически конкурируем не с молоком, а с порошком, с пальмой и так далее. Дальше, что еще можно отметить? Что в больших организациях мы можем нанять большой штат, который будет заниматься администрированием очень запутанной системы. А в малых хозяйствах это невозможно, и это, конечно, понизит эффективность, если мы попытаемся жить строго-строго по закону. И в итоге малые хозяйства получают по остаточному принципу в том числе и земли, и сейчас там риски штрафов и так далее стали существенно выше, потому что пять-десять лет назад такого не было.

Поэтому я считаю, что на основе той самой официальной статистики можно смело говорить о том, что малые формы хозяйственно эффективны и эффективнее крупных форм, поэтому я считаю, что нужно развивать много-много маленьких хозяйств, и они будут потреблять в том числе продукцию и промышленность. Спасибо за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо. Тема, что производители молока конкурируют с зарубежными производителями пальмового масла, – это очень, конечно, важная и острая тема, но она в целом находится, конечно, на периферии сегодняшнего доклада, потому что мы промышленность обсуждаем. Но хотя пищевая промышленность – это тоже важно. Спасибо вам за интересный доклад, за выступление. Постараемся учесть максимально. Испирян Бабкен Юрьевич, председатель АККОР Калужской области, глава хозяйства «Испирян», производства зерновых культур. Пожалуйста.

Бабкен Испирян: Добрый день. (01:45:00) Хотелось бы поднять такой вопрос, что меры государственной поддержки, которые на сегодняшний день существуют в области АПК, они на 80 процентов направлены на субсидирование банковских кредитов. И даже название самой субсидии звучит как компенсация банком недополученной прибыли. То есть фактически в распределении бюджета эта статья выглядит как поддержка сельского хозяйства, а в реальности это некая поддержка банков. Центробанк с 2013 года вложил в банковскую сферу 5,3 триллиона рублей, закрывая различные банковские дыры при отзыве лицензий, при их санации и все такое прочее.

И при этом в рамках 115-го ФЗ банковская сфера у нас получила еще и контрольно-надзорные функции. Мало того что Центробанк разрабатывает нам нормативы, но на сегодняшний день полномочия банков в приостановке действий операций по счетам являются просто решающими в работе любого предприятия. То есть любое предприятие... Особенно, например, в сельском хозяйстве у нас очень высокая сезонная зависимость. Возможна остановка работы с расчетным счетом на месяц. Для сельского хозяйства это просто гибель предприятия.

Какие от этого последствия? Последствия в том, что сельское хозяйство – это отрасль с наибольшим мультипликатором в промышленности. Во-первых, она использует продукцию сельхозмашиностроения, использует различные ресурсы, а кроме того, дает сырье для всех остальных переделов этой пищевой промышленности и, соответственно, для химии и других направлений.

Хотелось бы все-таки обратить внимание на то, что необходимо каким-то образом, наверное, ограничить функции банков в возможности их внесудебной и внеправоохранительной деятельности регулировать деятельность предприятий. Банк в силу своей специфики занимается исключительно финансовыми операциями и разбираться в хозяйственных операциях своих клиентов зачастую не имеет возможности. И наделение его этими функциями – это очень серьезная проблема на сегодняшний день, которая нам видится.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание, что фактически в сфере сельскохозяйственного производства существует фактическая дефляция на сегодняшний день. То есть цены производителей находятся на одном уровне примерно с 2013 года. В то же время цены на энергоносители, цены на те же самые экологические услуги и прочие расходы предприятий растут. Это очень сильно влияет на эффективность предприятий. Вот Иван Григорьевич заметил, что у нас была просадка в прошлом году в сельском хозяйстве на 0,8 процентов. Пока это не критично, потому что там просто урожай зерновых был меньше, а так это все остальное растет. Но в перспективе здесь тоже мы можем ожидать проблемы. Спасибо, я, наверное, закончу.

Константин Бабкин: Спасибо, очень интересно. Пьянченков Алексей Витальевич, директор компании «Махаон Плюс», производство оборудования для порошковой окраски, город Рязань.

Алексей Пьянченков: Добрый день, коллеги, гости и заинтересованные лица. Я представитель того самого малого бизнеса, про который, к сожалению, все забывают. Но, по данным статистики, за конец 2017 года доля малого бизнеса (МСП) составила 21,9 процента. И, по планам национального проекта развития МСП и конкурентоспособности, к 2025 году доля МСП должна составить 32, 5 процента. То есть мы, несмотря на нашу малость, вносим большой вклад в экономику. Я хотел бы обратить внимание на особенность работы обрабатывающих предприятий малого бизнеса и нюансы, которые мешают развиваться и достигать целевых показателей.

Во-первых, сфера нашей деятельности – это производство оборудования и производство комплектующих и участие в цепочке переработки различных продуктов. Мы работаем как с оборонно-промышленным комплексом, так и с гражданскими заказчиками. **(01:50:00)** Какие есть особенности? Наши предприятия более гибки, по сравнению с большими заводами, большими предприятиями. Мы можем легко внедрять с минимальными рисками и минимальными последствиями современные технологии, какие-то современные новинки, инновации. Большие предприятия это не могут сделать, в силу того, что есть большой риск срыва поставок продукции. Мы легко работаем с партнерами, с контрагентами, в том числе и с новыми. Нам проще заключать новые договорные отношения – опять минимизация рисков. Более просто и более свободно мы можем использовать финансовые средства, опять же в силу простоты наших взаимоотношений.

Какие факторы мешают развитию малых предприятий в машиностроении? Во-первых, дороговизна и сложность получения кредитов – об этом уже говорили неоднократно. Особенность малого бизнеса в том, что мы имеем малые активы и, соответственно, нам банально нечего заложить банку в обеспечение кредита. Мы вынуждены использовать личные средства, подключать близких родственников и знакомых для обеспечения кредитов. А без них мы существовать, естественно, не можем, и не можем развиваться.

Постоянный рост энергоресурсов, про который тоже неоднократно говорят, приводит к тому, что мы опять же не можем вводить новые технологии и развивать производство. По сравнению с позапрошлым годом, с начала 2018 по начало 2019 года стоимость энергоресурсов (электроэнергии) в Рязани выросла на 18%. За два года рост стоимости энергоресурсов составил 33%. Это очень существенные цифры.

Сложность попадания в список контрагентов больших предприятий. Ни для кого не секрет, что существуют «белые» списки, с которыми работают большие заводы. И попасть туда – это большое благо и счастье. Чаще всего мы попадаем туда через так называемые «прокладки», посредников, которые аккредитованы на предприятиях ОПК и больших заводах. Это стоит некоторых денег, соответственно, ведет к росту цен на поставляемую нами продукцию.

Сложный и не всегда прозрачный документооборот при работе с тендерами и госзаказами. От нас требуют предоставить отчетность, расшифрованную за прошлые, позапрошлые года, что тоже затрудняет попадание в эти тендеры.

Очень серьезным являются постоплаты и задержки платежей при работе с большими заказчиками. Что это такое? Кто работал по тендерам с «Ростехом» либо с большими

корпорациями, знает, что чаще всего отсрочка платежей по исполнению контракта, которая установлена в этих контрактах, составляет 2-3 месяца, иногда – 6 и более месяцев. По факту производится задержка платежей еще бóльшая. Повлиять на эту систему мы не имеем возможности. Предусмотренные законодательством способы воздействия неэффективны, потому что попытка их использовать приводит к тому, что с нами потом больше не хотят работать. Для малого бизнеса это очень существенно, так как наш финансовый маховик очень маленький, и нам тяжело его потом развивать.

Высокая налоговая нагрузка и **карательность** мер ФНС. Тоже притча во языцех. К чему это приводит? Пример – 2018 год. Были пиковые блокировки счетов у малых предприятий, в силу того, что по каким-то причинам были не подтверждены уведомления, полученные от ФНС. 3-4 дня ты не подтверждаешь получение уведомлений, идет блокировка счета, приостановление деятельности. Возврат к нормальной деятельности занимает от единиц дней до недели. Хотя ФНС уже выносит положительное решение, что все нормально. Это особенность работы нашей налоговой системы.

Также очень интересный момент – мы давно говорим про цифровизацию экономики, нашего производства и нашего документооборота. Почему-то никто не поднимает вопрос о том, что стоимость доступа в Интернет в России для юридических лиц на порядок и на порядки выше доступа для физлиц. Простая статистика: доступ в Интернет со скоростью 2 Мбит/с (это ни о чем) для юрлица стоит 1 500 рублей, для физлица – 100 рублей. Доступ на больших скоростях – уже десятки тысяч.

Какие меры, на мой взгляд, необходимы для повышения конкурентоспособности малого бизнеса, и увеличения вклада МСП в развитие промышленности.

Константин Бабкин: Время истекло уже.

Алексей Пьянченков: Коротко совсем. Повышение акцента законодательства Минэкономразвития РФ на рост количества МСП, и обязательно указание этих цифр во всех отчетах. В частности, в отчетах ТПП и в отчетах Росстата нигде не фигурируют эти данные.

Доступность кредитов на повышение оборотных средств. Должна быть государственная программа, которая позволяет это легко и быстро получить.

Льготное кредитование и субсидирование – жесткий контроль со стороны государства или организаций типа ТПП за исполнением заказчиками обязательств по госконтрактам и при работе с крупными предприятиями. Государство должно давать гарантии на своевременную оплату государственных контрактов.

(01:55:01)

Развитие программ поддержки малого бизнеса, создание и поддержка на государственном и законодательном уровне ассоциаций малых предприятий, по типу профсоюзов, которые позволяют развивать эти направления.

У меня всё. Спасибо за внимание!

Константин Бабкин: Спасибо! Кузнецов Павел Александрович, президент Ярославской торгово-промышленной палаты, генеральный директор компании «Завод дорожных машин», производство строительно-дорожной техники, Ярославская область.

Павел Кузнецов: День добрый, уважаемые коллеги! Начну, наверное, свое выступления от Завода дорожных машин на примере его деятельности в 2018 году, проблемы, которые возникали.

В 2017 году мы выпустили порядка 300 единиц техники, поставили себе задачу в следующем, в 2018-м, году изготовить 450. Это довольно-таки серьезный, большой рост. Во время подготовки данного плана мы столкнулись в первую очередь с технологическими проблемами – с отсутствием у нас необходимых производственных площадей. Поэтому программу разбили на две вещи:

- 1) подбор и поиск новых производственных площадей;
- 2) мы занялись внутренними ресурсами завода, оптимизацией работы, внедрением бережливого производства.

Внутренние результаты работы:

- плюс 15% к объему выпускаемой продукции;
- фонд заработной платы – плюс 24%, практически без увеличения численности;
- налог на прибыль возрос в 3 раза.

То есть резервы на предприятии оказались очень большие, успешная в данной ситуации работа.

В данной ситуации хотел бы отметить другую вещь. На сегодняшний момент существуют федеральные центры компетенций по повышению производительности труда. Здесь возник интересный момент. Я обратил внимание, так как наше предприятие участвует, и как президент Торгово-промышленной палаты я в какой-то мере курирую данный вопрос. Участвуют только предприятия частного бизнеса. Ни одного предприятия с государственным участием нет. Даже на одном совещании руководитель такого предприятия встал и откровенно сказал, что «мы не заинтересованы в этом вопросе, потому что система отчетности на наших предприятиях, по сути, противоречит повышениям производительности труда».

Возник этот интересный парадокс. То есть одни предприятия создают, по сути, благосостояние России, снижают инфляцию, как наше предприятие (мы за счет своей работы), другое предприятие – абсолютно не заинтересовано, и создает фонд заработной платы за счет опять же государственных денег. Противоречие.

Здесь действительно необходима форма каких-то льгот и преференций предприятиям, которые повышают и увеличивают объем продукции за счет производительности труда.

Второй вопрос. Мы занимались подбором производственных помещений. Я объездил Ярославскую область довольно существенно, и, естественно, город Рыбинск, где мы живем, и также был в городе Орле, там было предложение по продаже зданий и сооружений. Могу сказать так: очень большое количество производственных площадей на сегодняшний момент пустует, но когда мы задумались по приобретению данных помещений, ни одной формы государственной поддержки на это нет. Есть на

сегодняшний момент на приобретение оборудования (к примеру, ФРП), но именно на здания, сооружения абсолютно отсутствует. В данной ситуации мы с вами прекрасно понимаем, тот потенциал, который мы бы могли все использовать на сегодняшний момент, с каждым годом рушится.

Для меня четкий пример был в городе Орел. Я приезжаю зимой, я вижу состояние производственного комплекса. Я приезжаю в конце зимы – уже ухудшение. И когда я приехал весной, когда пошло таяние – на моих глазах цех просто-напросто стал разваливаться. То есть мы с вами все теряем, а при этом на сегодняшний момент строительство нового производственного помещения – очень дорогое удовольствие. Здесь как раз необходимо найти меры поддержки по данному направлению.

Буквально минута – как президент Торгово-промышленной палаты **отвечу на** те вопросы, которые на сегодняшний момент задают предприятия малого и среднего бизнеса.

Первый вопрос: что такое инвестиционный климат? Действительно, четкого понимания данного вопроса, наверное, ни у кого нет. Все говорят, что инвестиционный климат. А как правильно его оцифровать и понимать, какой он – положительный, отрицательный? На примере естественных открытий предприятий малой формы, магазинов, промышленных предприятий, он абсолютно отсутствует.

(02:00:12)

Один пример, с которым в буквальном смысле мы столкнулись. Предприниматель решил открыть магазин, без залога в МСП он может взять 500 тысяч рублей. За подключение – не за трубу, просто за форму подключения к канализации – водоканал с него запросил 138 тысяч. Абсолютно две несоответствующие цифры.

Последняя небольшая вещь, которую я бы хотел отметить и учесть. Мы не застимулированы в том, чтобы работать со студентами, ни на каком уровне. На сегодняшний момент этот вопрос остался только на уровне внутреннего понимания, что ты должен работать и со студентами. А какие-то процессы, какие-то поддержки, какие-то формы совместные, взаимодействия государства, предприятий, институтов, к сожалению, на сегодняшний момент отсутствуют. Спасибо большое!

Константин Бабкин: Спасибо! Вы, по-моему, как-то не сказали про доклад. Доклад же, который мы сегодня обсуждаем – это как раз попытка оцифровать состояние конкурентоспособности, конкурентную среду, в которой работают промышленные предприятия. Мы попытались примерно обчислить результаты деятельности некоего завода, который производит бульдозеры. Вы производите катки. Вопрос такой: похоже то, что мы сегодня пытались оцифровать, на те проблемы, которые...

Павел Кузнецов: Да, практически один к одному. По цифрам – плюс/минус все то же самое, что у нас, что у них. Примерно процентов 5–10 отклонения в ту или в другую сторону.

Константин Бабкин: Спасибо!

Павел Кузнецов: Константин Анатольевич, я имел в виду немножко другое, когда говорил. Именно открыть малое предприятие по металлообработке на сегодняшний момент, затраты, которые возникают у людей – это и оборудование, это и помещение, и формы, которые мы можем предложить – вот в чем несоответствие происходит. То есть открыть на сегодняшний момент малое предприятие по металлообработке практически невозможно.

Константин Бабкин: Да. Удержать существующее непросто, а открыть новое – это вообще уже, наверное, за гранью реальности.

Идем дальше. Жуковский Владислав Сергеевич, постоянный член Столыпинского клуба.

Владислав Жуковский: Спасибо, уважаемые коллеги, друзья, за предоставленное слово! Тема нашего доклада сегодня – о конкурентоспособности российской экономики. С моей точки зрения, здесь у нас все не очень здорово, к огромному сожалению. Буду краток, приведу просто цифры.

С 2014 года по данным Росстата и Центробанка страны совокупные доходы от экспорта нефти, газа, нефтепродуктов и сжиженного природного газа составили 1 250 миллиардов долларов. Если мы к этому добавим прочие низкие переделы – лес, промышленные, цветные, драгоценные металлы, удобрения – то это больше 1 600 миллиардов долларов, это колоссальные финансовые ресурсы.

Что мы получили с точки зрения экономики? По оценкам Росстата и Всемирного банка за период с 2014 года размер душевого ВВП в России упал по паритету покупательной способности в постоянных ценах на 3,2%. Чтобы было понятно, сегодня мы на 3,5% меньше, чем были 4 года назад. При этом в рамках мировой экономики душевое ВВП выросло на 7%, в Корею – на 10%, в Китае – 20%, Индия – 26%. Даже пресловутый загнивающий Запад в лице Германии и США выросли на 5,5-6,5%.

Если мы посмотрим за период с 2008 года, в принципе, картинка ненамного лучше. У нас здесь рост на 3,5% душевого ВВП, мировая экономика – плюс 33%, пресловутые азиатские экономики, «индустриальные тигры», новые индустриальные страны – рост от 40 до 60%, Китай, Индия – 70–90%.

Хуже всего ситуация с инвестициями в основной капитал. По официальным оценкам Росстата – падение примерно на 3,5% за последние 5 лет. То есть в ситуации, когда и без того колоссальный инвестиционный кризис, дефицит инвестиций, когда в аварийном состоянии базовая технологическая инфраструктура, мы умудрились за 5 лет сократить инвестиции. При этом по оценкам Всемирного банка, пресловутый показатель совокупного накопления основного капитала (gross fixed capital formation) упал на 9,5%.

Я просто напомню эти цифры, что если мы будем иметь в виду, что, например, в 1990-1991 гг., уже на излете Советского Союза и РСФСР, норма накопления составляла 32-33% от ВВП, а последние десятилетия составляет 20–22% от ВВП, то суммарный дефицит инвестиций в экономику составит около 3,5 триллионов долларов, причем из этой суммы больше 2 триллионов долларов приходится на последние 20 лет высоких цен на нефть, колоссального профицита бюджета, притока капитала в страну, профицита внешней торговли, учета текущих операций.

(02:05:12)

Но все как-то инвестиции в российскую экономику не идут, и эти цифры по накопленному дефициту инвестиций совпадают с тем колоссальным вывозом капитала из страны, который также, по разным оценкам, составляет от 2,5 до 3 триллионов долларов за последние 27–30 лет.

За последние 5 лет реальные доходы населения упали на 12%, розничный товарооборот (то есть потребительская активность) упал тоже на 11%. Чистый вывоз капитала – около 340 миллиардов долларов (это практически на 25% больше, чем федеральный бюджет страны, и больше, чем капитальные вложения по итогам прошлого года). Рубль упал в два раза: был 32 рубля за доллар, стал 67 рублей за доллар. Цены официально выросли на 40%, неофициально – в два раза.

И что мы видим по факту? Государство решило придумать свою собственную экономическую теорию, новая экономическая наука. У нас здесь не кейнсианство, не неокейнсианство, не классики, не неоклассики, не монетаризм. У нас особый свой путь, такой сакральный виолончельный. Мы на фоне падения уровня жизни и сжатия платежеспособного спроса решили массово повышать издержки производства – повысили НДС, акцизы, цены на бензин (более чем на 15% в прошлом году), ввели торговый, экологический, туристический, утилизационный сборы. Ввели платоны, меркурии, электронные кассы для малого бизнеса. То есть сделали все возможное, чтобы, насколько я могу судить, реальный сектор экономики и промышленность были неконкурентоспособные.

Чем это закончится, я думаю, мы уже с вами прекрасно видим. Экономика более чем 10 лет находится в стагнации, доходы населения падают. Последние оценки Росстата меня поразили. Когда мы видим цифры, что треть населения страны не могут себе купить сезонную пару обуви, я считаю, что это, на самом деле, конечно, удручающая картина. По официальным данным Росстата, у 40% населения страны доходы – ниже 40 тысяч рублей в месяц. О какой модернизации, технологическом рывке, отраслевой диверсификации экономики может идти речь, когда просто банально больше чем у половины населения страны 2/3 бюджета уходит на еду и медикаменты?

Так что, с моей точки зрения, доклад, безусловно, правильный. Основные акценты расставлены очень грамотно и с точки зрения удушающей финансовой политики, налогово-бюджетной, денежно-кредитной политики. Но, к сожалению, насколько я могу судить, наши с вами интересы, интересы большинства россиян, малого бизнеса и реального сектора экономики, они никоим образом не пересекаются с интересами крупного сырьевого капитала, госкорпораций, госбанков, которые как раз таки и вывозят эти колоссальные ресурсы ежегодно из страны. Только в прошлом году – 4,5 триллиона рублей – покупка иностранной валюты, иностранных ценных бумаг, покупка недвижимости за рубежом и прочее. Спасибо!

Константин Бабкин: Спасибо! Ещенко Владимир Русланович, генеральный директор компании «Родина» (выращивание зерновых культур), Рязанская область.

Владимир Ещенко: Добрый день, уважаемая публика! Тема моего доклада – «Высокие ссудные проценты. 115-ФЗ как тормоз в развитии реального сектора экономики». Презентация будет?

Константин Бабкин: Через доклад. На выбор вам – либо без презентации выступить, либо через одного.

Владимир Ещенко: Давайте через одного.

Константин Бабкин: Идем дальше. Самиев Павел Александрович, генеральный директор аналитического агентства «БизнесДром».

Павел Самиев: Добрый день, уважаемые коллеги! Хотелось бы несколько слов сказать про кредитование малого бизнеса как, в общем-то, достаточно существенный фактор повышения конкурентоспособности, и вообще сегмента малого бизнеса, и, конечно, в целом влияния на экономику. Поскольку в нацпроекте зафиксированы достаточно амбициозные планы по развитию масштабов малого и среднего предпринимательства, но и финансирование разных форм **их** – конечно же, это крайне важный момент в этом смысле.

Сейчас размер кредитного портфеля малого бизнеса по итогам прошлого года (на 1 января) – более 4 триллионов рублей. На самом деле, это очень маленькая цифра. Если мы посмотрим на масштабы кредитования и финансирования малого бизнеса в странах с аналогичным близким уровнем развития, то, конечно же, и по отношению к ВВП, и в структуре банковских активов доля кредитования малого бизнеса гораздо больше, чем в России. То есть мы здесь выйдем, как явные аутсайдеры. Более того, на этом графике желтый сегмент – это доля кредитов малому бизнесу в активах у банков. Она снижается на протяжении семи лет, и достигла исторического минимума в прошлом году.

(02:10:11) Сейчас некоторые положительные сдвиги нельзя не отметить – портфель кредитов малого бизнеса начинает медленно расти и просрочка начала немного падать. Мы пик просрочки видели в конце 2017, в начале 2018 года, и за прошлый год уровень просрочки снизился более чем на 2% пункта, но в 2017-м остается очень высоким. Обратите внимание на то, что в 2014-2015 годах уровень просроченной задолженности малого бизнеса был почти вдвое ниже, чем на пике, когда достиг более 14%. Сейчас 12% – это тоже очень много. Дальше у меня будет еще один график, где этот уровень сравнивается с просрочкой в других сегментах, что определяет такое отношение банков – надо понять, почему банки боятся кредитовать малый бизнес, действительно есть объективная история.

Сейчас на фоне роста объемов кредитования малого бизнеса, слабого, но все-таки некоторого роста, приходится на крупнейшие банки: 130 банков обеспечивают этот рост. Банки не топ 30, банки в регионах, которые раньше были основой и базой для работы малых предприятий, микропредприятий в регионах, они продолжают сворачивать объемы кредитования малого бизнеса. Здесь хорошо видно, что объем кредитов банков, не входящих в топ 30, продолжал падать, причем достаточно высокими темпами, и скорее всего, дальше такая тенденция продолжится. При этом доля крупнейших банков достигла исторического максимума – уже три четверти приходится на кредиты, которые выдали топ 30 банков, и среди них доминируют госбанки. С одной стороны, они обеспечивают некоторый рост, с другой стороны, – такая высокая концентрация приводит к тому, что в

ряде регионов продолжается падение объемов кредитования малого бизнеса и доступность финансирования снижается.

Еще один важнейший фактор – все это на фоне начала роста ставок по кредитам, которые происходят со второго полугодия прошлого года. Мы прошли исторический минимум ставок – эта эпоха закончилась. Сейчас мы видим, что ставки растут и достаточно существенно, более высокими темпами, чем росла ключевая ставка. Поэтому программы господдержки приобретают в этом смысле, гораздо большее значение, чем раньше, поскольку субсидирование ставок и формы поручительств гарантий по кредитам малому бизнесу и иные формы, которые могут, с одной стороны, снизить ставки, с другой стороны, – повысить доступность кредитов для малого бизнеса, становятся очень важными, а их доля остается низкой. На этом графике – динамика роста объемов поручительств, выданных региональными гарантийными организациями. Если в 2017-м году у нас был всплеск активности, гарантийные фонды в регионах выдали более чем в полтора раза больше гарантий, чем в 2016 году. То есть был достаточно мощный рывок. По итогам прошлого года практически прироста нет, всего лишь 6% прирост. С учетом капитализации гарантийных фондов в регионах и политики этих фондов по принятию для себя рисков по малому бизнесу, скорее всего, мы увидим падение в этом году по объему таких поручительств.

Исторический минимум ставок мы прошли. На этом графике видно, как в прошлом году ставки снижались, сейчас они начали расти. В этом смысле не хватает малому бизнесу масштабов поддержки – объемов и финансирования кредитов и объемов гарантий. Барьеры, которые есть в плане подачи заявок и сроки их рассмотрения, и информирование о программах поддержки малого бизнеса. Малый бизнес на это жалуется, опросы показывают, что действительно информации мало, а сами программы очень сложные, подача заявок очень длительная, рассмотрение их – достаточно тяжелый процесс, для многих компаний это неподъемная задача, потому что приходится нанимать внешних консультантов и специальных сотрудников, которые занимаются именно заявками на участие в госпрограммах. При этом доля кредитов сроком до одного года продолжает доминировать, более 60% приходится на короткие кредиты свыше трех лет, всего лишь 17% – эта структура остается такой на протяжении многих лет.

Последний слайд – это сравнение просрочки малого бизнеса и других сегментов, в частности, розницы и кредитов крупному бизнесу. Это некая позиция со стороны банков, как аргумент – почему так тяжело банкам работать с малым бизнесом. Действительно просрочка гораздо выше, чем в рознице. Даже потребкредиты сейчас показывают просрочку ниже, чем малый бизнес. **(02:15:00)** К сожалению, это так, это действительно фактор, который очень сдерживает рост кредитования малого бизнеса. Регулирование также сдерживает недостаточный объем программ господдержки. Спасибо.

Константин Бабкин: Ещенко Владимир Русланович, генеральный директор компании «Родина», зерновые культуры, Рязанская область.

Владимир Ещенко: У нас небольшое предприятие, нам четыре года. Изначально инвестиции были 40% – заемные средства и 60% – своих. Внизу слайда вы видите, по каким процентным ставкам нам приходится сейчас работать. На начальном этапе развития льготные ставки кредитов недоступны – это те процентные ставки, с которыми мы сейчас работаем.

Хочу вам показать структуру своих затрат: обращаю внимания на кредиты, 34% всех наших затрат – это кредиты. Руководством страны поставлена задача – инвестировать в

основной капитал, до 25%. Видя эту табличку, график перед собой, откуда мне брать деньги? Конечно, из зарплаты, переводить ее в «серую», и остаток денег пускать в инвестиции в основной капитал. Из Крыма было высказано такое предложение. Те кредиты, которые мы платим – это потенциальная прибыль, если бы они были чуть поменьше, было бы ровно настолько больше прибыли, и ровно настолько больше были бы инвестиции на основной капитал.

Хочу акцентировать внимание на 115-м Федеральном законе, такой некий банковский беспредел, где банки блокируют счет, как обычно в самый неудобный момент, когда парализуется деятельность предприятия – невозможно ничего купить, ничего продать, кредит невозможно заплатить, зарплату невозможно начислить, соответственно, формируются задолженности по этим статьям.

Помимо всего прочего, это скриншот с моего мобильного банка, я про Сбербанк сейчас говорю. Одного из моих учредителей внесли в «черный список», который не относится к этому предприятию, и все компании по цепочке так же были внесены в «черный список» и счета заблокированы. Сбербанк, мало того, что заблокировал счет, еще и прекратил доступ к возобновляемой кредитной линии. Внизу мой следующий платеж: «411 тысяч». По идее, я его плачу, и доступная сумма 360 тысяч – я могу взять обратно. То, по сути, разница, 60 тысяч рублей я должен из своего кармана заплатить, все остальное могу взять из банка. Банк в одностороннем порядке мне прикрывает доступ к этим деньгам. В период пассивный мне, где брать деньги? Я беру личное имущество, и иду к современным ростовщикам, закладываю его под процент выше 30-ти, и перекручиваюсь. Я обиделся на этот банк, перешел в другой. Письмо от 4-го апреля Сбербанка: «Сбербанк сообщает, что в соответствии с условиями договора о предоставлении кредита, заключенного с ООО «Родина» (какими пунктами непонятно, что я нарушил, там договор на 45-ти страницах, но Сбербанк считает, что необязательно указывать, что я конкретно нарушил) увеличивает мне ставку еще на 2%». Вы видите: 16,81% и 16,2% – в таких реалиях мы работаем.

Пожалуйста, снижайте процентную ставку. И по 115-ФЗ этот банковский беспредел должен рано или поздно закончиться. Спасибо.

Константин Бабкин: С этим спорить сложно, что должен закончиться когда-то. Самодуров Георгий Васильевич, президент Российской ассоциации «Станкоинструмент».

Георгий Самодуров: Спасибо, Константин Анатольевич. Хотел бы от имени присутствующий поблагодарить совет Торгово-промышленной палаты, Торгово-промышленную палату, Константина Анатольевича, Дмитрия Николаевича, за то, что мы на протяжении нескольких последних лет получаем хорошие аналитические доклады. Эти доклады несут много информации, которая полезна каждому, кто занимается бизнесом, в выработке своей стратегии и поведении, в выработке комплекса мер, которые необходимы для того, чтобы предприятие и отрасль успешно работали и развивались.

(02:20:02) В силу установленного регламента я не буду говорить о станкоинструментальной отрасли в цифрах, потому что многие вещи, которые здесь говорились, они касаются, в том числе и станкоинструментальной отрасли. Хотел бы отметить несколько моментов, которые, на мой взгляд, должны способствовать решению тех проблемных вопросов, которые были поставлены здесь в докладе. У станкоинструментальной есть комплекс мер, которые носят системный характер, требующий системного подхода к решению тех или иных проблем, у нас они сконцентрированы, мы знаем их и понимаем, по каждой из этих проблем вырабатываем

свой комплекс мер, для того чтобы работать над их реализацией. Хотел бы подчеркнуть: по станкостроению, если взять, каждый год мы выпускаем порядка двух-трех, иногда четырех различных постановлений, поручения президента по решению отдельных проблемных мер, которые характерны для станкоинструментальной отрасли. Это благодаря тому, что есть отраслевая структура, которая может скоординировать деятельность всех предприятий.

Мы на таких совещаниях с вами присутствуем достаточно часто, и сколько мы не приглашаем государственных чиновников, представителей различных федеральных органов исполнительной власти, как правило, они эти вещи игнорируют. Поэтому на эту ситуацию нам нужно посмотреть несколько иными глазами. Мы два-три года назад с Константином Анатольевичем инициировали ситуацию, связанную с повышением статуса отраслевых ассоциаций союзов, чтобы они на законодательном уровне, на государственном уровне получали определенный статус, который бы мог им давать полномочия при рассмотрении отраслевых проблем, общеотраслевых проблем, системных проблем, и выходить через Торгово-промышленную палату с законодательной инициативой по внесению соответствующих правок. Такой документ у нас есть. Предлагаю в рекомендации, учитывая эту реальную ситуацию, обратиться к нашим федеральным органам исполнительной власти, для того чтобы придавать статус отраслевым союзам и ассоциациям, которые сегодня объединяют практически весь реальный сектор экономики по всем направлениям, для того чтобы они могли эффективней продвигать и решать интересы тех или иных отраслей.

Второй момент. Хотел бы сказать о том, что когда принимаются отдельные моменты, связанные с принятием государственных мер поддержки, у нас есть Федеральный закон – 488-й «О промышленной политике». Вы помните, с каким трудом он принимался, сегодня этот Федеральный закон действует, его никто не отменял, в рамках этого Федерального закона принимается ряд нормативных актов. Об этом говорили сегодня и сама тема доклада – о повышении конкурентной способности, не предусматривает наличие в целом промышленной политики в стране. У нас есть Федеральный закон, есть целый ряд федеральных органов исполнительной власти, которые обязаны выполнять этот закон. А комплексной промышленной политики, к сожалению, у нас нет. Поэтому в качестве предложения, пользуясь этим законом и инструментами, и авторитетом Торгово-промышленной палаты, обратиться в правительство и государственные структуры, чтобы такая промышленная политика все-таки вырабатывалась.

Для нас один из ключевых вопросов мер поддержки – это пополнение оборотных средств. Сегодня об этом много говорилось. Мы последнее время много говорим о том, что Промсвязьбанк должен стать аналогом Россельхозбанка, который будет кредитовать реальный сектор промышленности, через докапитализацию, через Минпромторг этого банка, но движений, к сожалению, вперед пока немного. Поэтому обращаемся в рекомендациях, чтобы эти вещи нашли свое отражение.

Последнее, один конкретный реальный вопрос – кадастровая стоимость недвижимости земли. Если посмотреть последние два-три года, практически все предприятия платят налог на имущество, исходя из кадастровой стоимости, и каждое предприятие на 99% ежегодно начинает эту эпопею, потому что кадастровая стоимость в два раза или больше завышена. Каждая организация и предприятие начинает организовывать судебную процедуру по снижению кадастровой стоимости в два раза, на это, как правило, уходит год. Кормятся вокруг этого десятки и сотни организаций, которые помогают в этом, реальные предприятия тратят десятки, сотни миллиардов рублей на эти все переоценки. В конечном итоге через год получают нужные параметры. Но утрачивается время,

отвлекаются оборотные средства у предприятий, которых и так не хватает. (02:25:00) Поэтому просьба: обратиться к Торгово-промышленной палате, сделать анализ за два последние года по кадастровой оценке, как она проходила, и насколько она изменялась после обращения реальных предприятий в судебные инстанции. Это было бы очень важно для борьбы в этом плане. Спасибо.

Константин Бабкин: Учтем предложение. Миркин Яков Моисеевич, заведующий отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений имени Евгения Максимовича Примакова, Российская академия наук.

Яков Миркин: Наверное, 40-я или 50-я конференция, круглый стол, посвященный проблемам роста, и мы говорим абсолютно одно и то же много лет, отлично выпускаем пар и неплохо питаемся. В чем дело? Какую экономику мы строим? Если мы строим экономику торможения и резервирования, то мы делаем все правильно: недоступный кредит четверть века, высокий процент четверть века, избыточная налоговая нагрузка четверть века, валютный курс очень проблемный четверть века, все время растут регулятивные издержки в этом сегменте – это очень странная модель роста на основе огосударствления и на основе бюджета. Обратите внимание, все хотят что-то получить от бюджета, потому что в банках невозможно получить, а внешние иностранные инвестиции, накопленные с начала 2000-х годов, мы теряем. Мы гордимся тем, что у государства внешний долг, и при этом большие резервы. Может компания расти, если у нее огромная ликвидность, и она заимствует?

Мы надеемся на бюджет, собираемся расти за счет бюджета, но бюджет не может одновременно сделать и хлеб, и масло, и пушки, и социальную поддержку, и инвестиции в рост, и резервирование, потому что всю ликвидность, которую мы получаем, якобы избыточную, на экспорте мы отправляем в резерв. Может ли корпорация «Россия» расти и увеличивать свое благосостояние на такой экономической политике? Нет, потому что это политика торможения, резервирования и наказания, поскольку в ее основе положен человек вороватый, человек, который все время обходит законы, человек вывозит капитал и прочее. Поэтому вопрос в диалоге – какую экономику мы строим, еще вопрос мышления, потому что перед нами какое-то существо, мы его называем Центральный банк, Министерство экономики, ведомства и так далее, со своим мышлением и логикой это существо строит экономику падения, торможения. Когда даже Малайзия обогнала нас в объеме ВВП на душу населения, в продолжительности жизни, Китай обогнал в продолжительности жизни, там зарплаты даже выше и так далее.

Известно ли, как строить экономику роста? Да, конечно, известно. Мы, как инженеры, потому что экономист – это тоже инженер, мы сочиняем уже несколько лет технические справочники. Том №1 «Как строили экономику сверхбыстрого роста в Азии и на примере многих стран». Очень подробно технически, кредит, бюджет, процент, валютный курс, потому что все, что мы обсуждаем, имеет десятки инструментов, инженер всегда подберет именно тот набор инструментов, для того чтобы стимулировать экономику. Нам сказали: «Мы не азиаты, так нельзя». Тогда мы сделали то же самое на примере стран послевоенной Европы – Израиля, как они устроили свое собственное экономическое чудо, и все делали одно и то же. Формула очень проста: доступный кредит, низкий процент, валютный курс, который стимулирует рост, снижение регулятивных издержек, правильная таможенная политика и прочие преференции, которые ограждают внутренний рынок, и бюджет развития, который дает возможность стимулировать рост. Плюс – администрация развития, проектный офис, управление развитием и прочее.

(02:30:04) Это делали все страны. Инженер всегда найдет сотни инструментов, во всех странах они разные, но, в принципе, тренды решения были одни и те же. Можно решить, какую экономику мы строим, экономику роста, использовать идеологию, которая очень ясна и понятна, технические решения хорошо известны, и нам нужно что-то делать с коллективным мышлением тех, кто принимает решение. Благодарю за внимание.

Константин Бабкин: Спасибо, Яков Моисеевич. Действительно, все понятно, что делать, мы не первый раз повторяем, но когда-то это все приведет к практическим действиям. Мартынов Георгий Геннадьевич, президент Ассоциации рыбохозяйственных предприятий Приморья.

Георгий Мартынов: Уважаемые коллеги, дорогие друзья, наверное, очень символично, что в Рыбном переулке мы заканчиваем рыбными вопросами. Константин Анатольевич, интересный доклад был. Сегодня лейтмотивом всей нашей встречи, проходили одни и те же вопросы, они системные, повторяющиеся, к сожалению, уйдем мы с вами из этого зала с горькой мыслью, что китайский трактор все-таки дешевле, но не факт, что он качественный.

Переходим к нашим рыбным вопросам. Рыбная отрасль в этом году находится на пике интереса Президента Российской Федерации, премьер-министра, федеральных министров, Государственной думы, меняется законодательство. Что такое рыбная отрасль? Всемирная организация здравоохранения рекомендует есть рыбу – 22,5 килограмма на душу населения в год. Мы с вами находимся примерно в этом уровне. Норвегия и Япония едят по 69 килограммов, и живут дольше всех.

Что представляет из себя рыбное хозяйство Российской Федерации сегодня – это общероссийский вылов более пяти миллионов тонн, из них 76% добывается на Дальнем Востоке. Для примера: Советский Союз был ведущей мировой рыбной державой, добывал 11,8 миллионов тонн в своем вылове. Минимальный вылов, на который мы упали, исторически был в 2004 году – мы добывали 2,9 миллиона тонн. Именно этому историческому пику минимума предшествовал ряд аукционов, когда рыбаки распределяли свои ресурсы, и доступ к ним осуществлялся через аукционы. В 2004 году мы принимали Федеральный закон «О рыболовстве», который предполагал долгосрочное закрепление ресурсов, и после этого рост экономики в рыбном хозяйстве пошел. Сегодня мы 5,2-5,3 миллионов тонн добываем, в этом году, может быть, будет больше.

Теперь о конкурентоспособности. Рыбная отрасль конкурентоспособна, более того, те экономические условия в постсоветский период заставили нас уйти на международные рынки, и мы их фактически сформировали. Мы в них не просто участвуем, мы их формируем. Мы формируем рынок минтая, краба, морского ежа, еще ряда водных биологических ресурсов. Здесь есть и положительные и отрицательные моменты. Положительные – то, что отрасль получает неплохие валютно-финансовые доходы. Отрицательный – что это, к сожалению, отражается на ценовой политике внутри нашей страны. Нам иногда говорят, что «вы не везете рыбу на внутренний рынок». Рыба – государственный ресурс и государство вправе диктовать свои условия. Но, что сегодня делает государство? Помимо того, что мы платим налоги, как все, мы платим плату за водные биологические ресурсы в соответствии с 24 и 25 статьей налогового кодекса. Сегодня мы опять возвращаемся к аукционному распределению ресурсов. Если так сложится, то очевидно рыбу в Российскую Федерацию мы вообще не повезем, потому что тем самым государство нам дает определенный карт-бланш поступать так, как мы

считаем нужным. Первые ласточки – мы меняем Федеральный закон «О рыболовстве», он вчера в Госдуме был принят в третьем чтении. Первые объекты вылова – крабы, будут распределяться на аукционной основе. **(02:35:00)** К этим аукционам будет приложено еще и обязательное строительство флота, в объеме примерно одного миллиарда рублей – стоит одно рыбопромысловое судно. Для сведения, если мы пойдем дальше и начнем менять все остальные водные биологические ресурсы по аукционному принципу, то, наверное, в Российскую Федерацию, навряд ли, вообще, попадут.

Коллеги, самое главное – рыбакам сохранить долгосрочное распределение квот. Если мы также на 15 лет будет распределять водные биологические ресурсы, то у нас будет в России доступная по цене рыба. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Будем на это надеяться. Василий Александрович Мельниченко. Мы промышленность обсуждаем, но у аграриев очень похожие проблемы. Давайте послушаем.

Василий Мельниченко: Уважаемые друзья, я скажу такое предложение: смотрите, круглый стол, такой красивый, и две девушки у нас сидят и 25 мужчин – категорически неправильно, надо как-то, чтобы побольше было женщин. А то нас по телевизору будут смотреть и думать: «Наверное, бабы бросили мужиков».

Смотрите, что есть – мы с вами живем в России, наш год 365 дней, и мы все с вами уверены или так думаем, что в Южной Корее и в Польше, и в Ирландии, и в других странах тоже 365 дней, ничего подобного. Теперь обратите внимания, не черноземья наша территория 2 миллиона 500 тысяч квадратов с половиной, население – 60 миллионов человек. Мощные сельскохозяйственные угодья, пашни. Всего мы произвели сельхозпродукции на 18 миллиардов 723 миллионов долларов, а продали на экспорт на 700 миллионов долларов. Площадь Польши значительно меньше нашей, население тоже меньше, но у них 2 миллиона фермеров, и ни одного агрохолдинга. Польша произвела продукции на 42 миллиарда долларов, и продала на экспорт 29,5 миллиардов долларов.

Если мы сейчас поставим второй слайд, очень интересные цифры – это Ирландия и Ленинградская область. Ленинградская область больше Ирландии, населения больше, а дальше – Ирландия живет быстрее нас в 12 раз, то бишь, у нее не 365 дней, как у нас, а в 12 раз больше. Произвели на 17 миллиардов, 13 миллиардов – экспорт. Обратите внимание на такие важные цифры: 7 миллионов КРС на маленькую территорию Ирландии, меньше Ленинградской области, есть коровы, есть молоко, есть ВВП, есть здоровое население. Все дело в коровах, будут коровы у нас, будет рост. Для коров нужны будут тракторы, машины, мы все это закажем, вы в городах пойдете на работу, будете делать настоящую продукцию, будет товарный ВВП. Вы все будете делать, мы вам работу дадим, мы – крестьяне. Больше никто вам работу не даст. Но для этого надо, чтоб заседали в правительстве не 25 мужиков и 2 женщины, а как-то разбавьте немного, потому что у нас за эти годы не получилось изменить ситуацию.

Третий слайд – почему у нас так происходит? Почему нет рабочих мест? Почему много чего не выходит? Пожалуйста, данные Минсельхоза, вот агрохолдинг, инвестиции – 3 миллиарда, построили молочную ферму почти на 3 тысячи голов, там 2800. Где вы видели, чтобы на одну корову, для нее место поставить, чтоб было больше миллиона рублей все стоить? **(02:40:10)** Квадратный метр 300 тысяч рублей. Конечно, это неправильно. Всего 100 рабочих мест эта ферма даст, произведет продукцию, заплатит налоги. Если вы на 3 миллиарда инвестиций сделаете крестьянско-фермерские хозяйства, вы посмотрите, 3 огромных района будет задействовано. Создано рабочих мест в шесть

раз больше, произведено продукции в два раза больше, а зарплаты, НДС, ЕСХН, и всего во много раз больше – это путь развития. Крестьянство – и есть путь развития, не агрохолдинги. Агрохолдинг – это контроль государства над продуктами питания, над едой. Агрохолдинг – это продукты питания только с антибиотиками, другого ничего не будет. Врачи реанимации не знают, какое лекарство дать человеку, уже никакие антибиотики не берут, не лечатся больше люди. Хотите, чтобы еда была вашим лекарством, а не лекарство едой, берегите крестьянство, ставьте жестко вопрос перед государством о смене политики правительства и всего правительства в целом. Не доказали они, что умеют править! Не доказали они, что умеют правильно все распределять! Мы на грани. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Василий Александрович. Еще кто-то хочет выступить, кратко дополнить? Андрей Павлович Бунич, пару минут.

Андрей Бунич: Буквально две фразы, чтобы людей не загружать. Я хочу поблагодарить Константина Анатольевича за прекрасный доклад, полностью согласен, что один из важнейших факторов нашего потенциального развития – это проблема конкурентоспособности, и хорошо, что он этим занимается. Я думаю, что надо продолжать работу в этом направлении. Я бы хотел разделить проблемы конкурентоспособности, как конкурентоспособности в целом, как Российской экономики, и конкурентоспособности предприятия отдельного – это несколько разные вещи, хотя в реальной действительности они сочетаются. Дело в том, что конкурентоспособность предприятия может быть обеспечена одними методами, а конкурентоспособность страны в целом – другими: структурной перестройкой и так далее. Мы в части выступлений касались одного и другого.

Что касается структурной перестройки и конкурентоспособности в целом в Российской экономике, то, конечно, она полностью не конкурентоспособна на сегодняшний момент. Если взять классическую модель портера, у нас нефтегазовая страна, основная часть продолжает быть... основные поступления от экспорта, то получается, с одной стороны, рыночная власть продавцов, с другой стороны, – рыночная власть покупателей, а влияющие факторы – это новые игроки в отрасли. Тут явно новые игроки идут сплошь в экспортную отрасль. Субституты, заменители, новые виды – идут сплошняком. Это по модели порта ослабляет власть продавцов и усиливает внутриотраслевую конкуренцию. Это означает, что мы глобально не конкурентоспособны по модели, которая написана в любом учебнике. В любом учебнике также написано, что «если страна в рецессии или потенциальной рецессии» (сейчас в стагнации, но правительство активно вгоняется в рецессию), то нужно делать следующее – снижать налоги и смягчать денежно-кредитную политику. Это на первой странице в любом учебнике написано, а делается с точностью наоборот – налоги повышаются...

Константин Бабкин: Что мы отмечаем в нашем докладе, Андрей Павлович?

Андрей Бунич: Я считаю, это свидетельствует об отсутствии интересов к изменению политики. Мы пока не говорили, но стоит поговорить о мотивации хозяйствующих субъектов, институтов и в целом политический сил. Спасибо.

Константин Бабкин: Булат Искандерович Нигматулин, профессор.

Булат Нигматулин: (02:45:06) Несколько цифр, которые меня самого поразили, когда посчитали, на один рубль роста инвестиций в основной капитал в нашей стране с 1970 до 1985 года было 4 рубля роста ВВП. Потом мы проходили, потом мы вышли примерно в 2,5 рубля, а последние 2017 и 2018 год 2 рубля – в два раза меньше, чем в доперестроечный период. В мире на один доллар **покупательная способность**, если взять весь мир, 5,5 рубля. То есть у нас эффективность наших инвестиций меньше 40% годовых, как в среднем во всем мире – это безумие. График, который, может, попадет нашим начальникам, но это просто вопиюще.

Вторая цифра, которая меня тоже поразила: мы посчитали затраты конечных потребителей энергоносителей – электроэнергия, углеводородное топливо и тепло. У нас 10% в долях ВВП – это 2017 год, а в США – 4,1%. По электроэнергии у нас 4,5% в долях ВВП, в Америке 2,2-2,3%. У нас больше, чем в Германии, там «зеленая» энергия и все прочее. Эти цифры, которые должны хотя бы в голове у наших экономических не гуру, Орешкин, сам ничего не знающий, но хотя бы просто привести и сказать: «Ребята, читайте буквари!» Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо вам, уважаемые коллеги за интерес, за ваше участие, за критику, за предложения. Все постараемся учесть. Разошлем по структурным подразделениям ТПП. Надеемся, что это все будет направлено официально нашему высшему начальству. Спасибо!

(02:47:31) (Конец записи.)